

БОГДАН СУШИНСКИЙ

ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Остров обреченных

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Время героев

Богдан Сушинский
Остров обреченных

«ВЕЧЕ»

2008

Сушинский Б. И.

Остров обреченных / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2008 — (Время героев)

Основанный на реальных событиях новый приключенческий роман Богдана Сушинского, лауреата литературной премии имени Александра Фадеева (2007), рассказывает о судьбе юной и своенравной герцогини Маргрет де Роберваль. Узнав о тайном обручении Маргрет с разорившимся шевалье д'Альби, отец, дабы избежать позора, отправляет ее с эскадрой своего брата, французского адмирала Роберта де Роберваля, к берегам Канады осваивать земли «Новой Франции». Но судьба уготовила юной герцогине еще одно испытание: оскорбленный отказом Маргрет разделить с ним постель адмирал приказывает высадить непокорную племянницу на необитаемом острове...

© Сушинский Б. И., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Богдан Сушинский

Остров обреченных

Часть I

Женщина должна восходить лишь на те «костры инквизиции», которые сама же и разводит. Никакие другие костры ни сжечь женщину, ни, тем более, очистить ее душу не способны.
Богдан Сушинский

1

Четыре корабля странной, неведь куда направлявшейся эскадры уже были готовы к отплытию. Они стояли у причалов Гавра, и влажный порывистый ветер, зарождавшийся где-то в лесистых холмах Нормандии, мерно покачивал мачты громадин, способных внушить уважение и самым опытным морякам королевского флота, и прожженному портовому отребью, по большинству из которого давно тосковали городские эшафоты и судные реи этих же кораблей.

Другие суда приходили, принимали груз, ремонтировались и уходили, а эти стояли уже почти месяц, и каждый день солдаты Нормандского полка погружали на них тяжелые бочки, ящики, корзины и какие-то увесистые свертки из рогожи, но никто так толком и не знал, когда же в конце концов эта эскадра будет окончательно снаряжена, кто ею командует и какой курс она изберет.

– ...А почему ты решил обратиться именно ко мне? – хрипло пророкотал плечистый детина с рваной отметиной у левого виска, рубец которой еще не успел окончательно очерстветь, а потому при каждой вспышке ярости этого человека наливался бунтующей кровью.

– Потому что вы знаете обо всем, что происходит в этом порту, мсье Дюваль.

– Кто тебе это сказал?!

– Торговец ножами, чья лавка...

– Жюкен... – почти с презрением оскалился Дюваль. – Болтливая скотина. Самая святая правда, источенная из уст этой твари, тотчас же превращается в ложь. Как и все, к чему притрагиваются его руки. Единственное, что ему все еще не удалось испоганить, так это его ножи. Ибо это лучшие ножи на всем побережье от Кале до Бордо. Тысячи моряков, чьи кости дотлевают сейчас по всем отмелям мира сего, успели испытать это на себе.

– Но меня интересует эскадра, а не ножи господина Жюкена, – сдержанно, хотя и достаточно твердо, напомнил ему собеседник.

– Я сам столько его ножами отправил на тот свет, – не сменил Дюваль ни тона, ни позы, – что твоего Жюкена давно следовало бы вздернуть вместе со мной. А возможно, чуточку раньше.

– Лично он предпочитал бы позже, мсье.

Дюваль понял, что этот рослый, самоуверенный юнец откровенно дерзит, но вместо того чтобы выдернуть его из-за стола и вышвырнуть в тускло темнеющее у него за спиной окно, медленно оторвал руки от краев стола, плеснул себе в кружку вина и только потом как можно вежливее спросил:

– Ты кто такой, гниль якорная?

– Послушай, гасконец, – перехватил его собеседник проходившего мимо официанта. – Принеси-ка нам еще бутылку «Бордо» и побольше телятины. У нас с этим господином задумешный разговор.

– Но разговор с господином Дювалем обычно начинается со второй бутылки, – на ходу бросил официант.

– Тогда два «Бордо». Я, – вновь обратился пришелец к Дювалю, – моряк, который...

– Ты никогда не был моряком, – прервал его завсегдатай таверны. – Судя по произношению и манерам, ты – парижанин, никогда в жизни не видевший моря. А то, что ты во что бы то ни стало желаешь попасть на один из кораблей... – Дюваль неожиданно снизил тон и, пригнувшись к столу так, что чуть было не уперся своим орлиным носом в зеленое стекло бутылки, – эскадры адмирала де Роберваля, то это мне и так понятно, сударь.

– Значит, это и есть та эскадра, которой будет командовать адмирал де Роберваль?

– Заткнись, – зло проворчал Дюваль, так что ворчание его напомнило Рою д'Альби нечто среднее между стоном и рычанием. А по тому, как слышавший бесстрашным головорезом Дюваль молниеносно метнул взгляд на соседний стол, за которым сидел какой-то безликий тип, парижанин понял, что произносить имя адмирала вслух здесь почему-то не принято и, очевидно, небезопасно.

– Понимаете, я всего лишь...

– ...Должен знать, что судьба этой эскадры окутана туманом, как самый мрачный из богом проклятых Оркнейских островов, – явно понизил голос Дюваль. – Ты ведь, приятель, околачиваешься здесь уже второй день. И видишь, что, кроме тебя, в портовых кабаках просяживает последние су добрая сотня морских бродяг. Как думаешь, что привело их сюда из Руана, Дьепа, Канна? Надежда попасть матросом на один из кораблей. Наш король, конечно же, лучший из королей, но будь я распят на ржавом якорю, если кому-то не ясно, что благословенная богом Франция явно поотстала от англичан, испанцев, голландцев и даже португальцев. Ибо те уже давно обживают целый континент, огромную, открытую досточтимым Америго Веспуччи, землю по ту сторону Великого Океана, а мы все чего-то ждем, некоего перста небесного.

– Так вы считаете, что эскадра пойдет к берегам Америки? – насторожился шевалье д'Альби.

С ответом Дюваль не спешил. Он выждал, пока худощавый господин из-за соседнего столика расплатится с официантом и уберется восвояси, а на столе между ним и его собеседником появятся две бутылки вина и два подноса с жареной телятиной. И только потом, налив себе и шевалье д'Альби вина, Дюваль расщедрился на дальнейший рассказ:

– Разопни меня дьявол на ржавом якорю, если хоть один матрос из этой эскадры с точностью знает, куда именно поведет адмирал свои корабли. Команду «Дракона» убеждают, что эскадра пойдет к берегам Италии. Хотя не понятно, почему ее готовят здесь, а не в Тулоне или, на худой конец, в Марселе. А моряки с «Ажена» и «Ла Рошеля» под большим секретом сообщат вам, что адмирал собрался потрошить англичан у берегов Ирландии. В то время как шкипер с «Нормандца» под занесенной над ним секирой палача готов поклясться, что все корабли пойдут в сторону Восточной Африки. Хотелось бы еще знать, что будут твердить офицеры из «Короля Франциска»... Не удивлюсь, если они станут уверять тебя, что намерены идти в Вест-Индию.

– Но корабля «Король Франциск» – в гавани нет.

– Уже нет. Или пока что.

– На рейде его тоже не видно.

– Он появлялся здесь неделю назад. Новый, мощный, вооруженный шестьюдесятью орудиями, фрегат, которому, наверное, нет равных на всех морях, от Швеции до Корсики. Трое суток его днем и ночью загружали, а потом, в сопровождении двух военных кораблей, отпра-

вили в море посмотреть, что он представляет собой под ветрами Английского канала и Бискай¹. Завтра он должен вернуться, чтобы взять на борт еще добрую сотню бочонков с провизией и ящиков с мечами, пистолетами и аркебузами. И вообще, большая часть всего того груза, которым забиты трюмы эскадры, – это арбалеты, порох, свинец, аркебузы, мечи и кортики. Даже если учесть, что на каждом из кораблей, кроме команды, будет по отряду солдат Нормандского полка, такое количество оружия им не понадобится.

– Значит, оно кому-то будет продано, – все так же вполголоса предположил Рой д'Альби.

– Оно понадобится тем солдатам и поселенцам, – назидательно объяснил ему Дюваль, – которые будут доставлены на берег вслед за эскадрой адмирала де Роберваля.

Какое-то время они молча потягивали вино и заедали телятиной, вымачивая ее в наваристом соляном соусе.

Ветер за стенами таверны «Викинг» как-то неожиданно утих, и сквозь высокие готические окна в помещение начали пробиваться пока еще несмелые лучи июньского солнца, обещающего впредь оставаться приветливым, ярким и по-летнему теплым.

– Я, действительно, только вчера под вечер прибыл из Парижа, – мрачно признался Рой д'Альби, польщенный откровенностью штурмана. – И дальше островов Сены, мои плавания не распространялись. Но поверьте, мсье, мне очень нужно попасть на один из этих кораблей. Лучше всего, конечно, на «Короля Франциска», который, как я понял, станет адмиральским.

– По всей вероятности, станет, разохни тебя дьявол на ржавом якорю. Но только поменьше распространяйся об этом по портовым кабачкам. Иначе можешь оказаться на одной из рей «Нормандца», в капитанской каюте которого обитает командор Бути. Или, если уж очень повезет, – ухмыльнулся Дюваль – на рее «Короля Франциска». Не далее как вчера одного такого любопытного солдата уже увели из таверны «Веселая корова», и больше его в окрестностях порта не видели. Поговаривают, что любопытство его оплачивалось из королевской казны по ту сторону Ла-Манша.

– Можете положиться на слово, мсье, что мое любопытство оплачивается разве что моим отцом, бывшим капитаном Реймского полка, который из-за тяжелого ранения так и не смог дослужиться хотя бы до полковника.

– Реймский полк... – уважительно кивнул Дюваль, потряс поднятым вверх кулаком кому-то из вошедших в таверну бродяг и повторил: – Ну, конечно же... Реймский полк! Отличившийся когда-то в битве при Мариньяно, и даже при слишком уж неудачной для нашего короля битве при Павии. Кстати, один из офицеров отряда «нормандцев», посаженного на «Ажен», тоже какое-то время служил в Реймском полку. Вряд ли он помнит вашего батюшку, поскольку еще молод, но уж во всяком случае замолвить о вас словечко перед капитаном «Ажена» он сможет.

– Мне бы лучше...

– Да, помню-помню, – поморщился Дюваль – ... На «Короля Франциска», поближе к адмиралу. Хотя тот, кто когда-либо выходил в море с адмиралом де Робервалем, всю оставшуюся жизнь пытается держаться от него подальше. К тому же команда уже набрана. И набирали ее, в основном, из королевского флота да из солдат, опасаясь, как бы туда не проникли бродяги, познавшие вольницу «Веселого Роджера»². Главное, приятель, попасть в эскадру. А там уж... Кстати, что это вас так влечет к эскадре Роберваля? В порту сейчас еще как минимум шесть кораблей, которые в эскадру не входят. Еще несколько виднеется на рейде.

– Говорят, адмирал неплохо платит своим матросам.

¹ Бискайский залив.

² Пиратский флаг, как правило, черный, с черепом и скрещенными костями.

– Допустим... – неохотно согласился Дюваль после некоторого колебания. То есть он, конечно, знал, что в «королевской эскадре» – как ее называли сейчас в Гавре – действительно, платят неплохо. Однако не считал это убедительным объяснением.

– И вы не станете отрицать, – уловил его сомнение Рой д'Альби, что в эскадре хватает провизии. И она достаточно вооружена, чтобы не опасаться пиратов.

– Спасибо за угощение, приятель, – словно пушечными ядрами, грохнул кулаками по столу Дюваль, давая понять, что не поверил ни одному ему слову. – Ты пришел за советом, приятель, и я тебе его даю, – молвил он, видя, что Рой д'Альби тоже поднимается со своего места. – В городе есть вербовщики с эскадры, попей вина с ними.

– Я ведь не мог обратиться к вам, не обратившись прежде к одному из вербовщиков, лейтенанту Жанелю, который, обитает в отеле «Самаритянин» и занимается отбором людей для эскадры. Но, узнав, что до сих пор я ни одного дня не провел в море, он попросту отказал мне.

– Жанель?! – рассмеялся Дюваль, самодовольно похлопывая себя руками по груди. – Так, значит, с Жанелем ты все же виделся? Но это и есть тот самый лейтенант, который когда-то служил в Реймском полку. Видно, приятель, тебе, и в самом деле не повезло.

– Но вы могли бы замолвить за меня. Лейтенант вас знает и будет полагаться на ваше слово.

– А на чье слово должен полагаться я? На твое?

Шевалье замаялся. Дюваль прав: с какой это стати он должен рекомендовать Жанелю человека, которого видит впервые?

– И на мое – тоже, – с трудом нашелся Рой. – Помня, что это слово дворянина.

– Разопни меня дьявол на ржавом якоре! Много оно стоит в море – это твое «слово дворянина»!

– Извините, штурман, не согласен: слово дворянина – оно и в море – слово дворянина.

– Убирайся вон, приятель, – холодно обронил Дюваль. – Будем считать, что я тебя никогда не видел. Но, на всякий случай, запомни: в море ценится только... «слово моряка». И никакое иное.

2

Отшагав по гулким коридорам королевского дворца, адмирал Роберт де Роберваль решительно вошел в кабинет личного секретаря Франциска I. Не дожидаясь, пока тот оторвется от бумаг, с которыми собирался на доклад к королю, адмирал гортанным басом человека, привыкшего отдавать команды так, чтобы его мог слышать даже матрос, оказавшийся в разгар шторма на вершине мачты, пророкотал:

– Герцог де Роберваль, адмирал Его Величества! Его Величество должен принять меня без промедления.

– «Должен»? – не оставил не замеченным этот его пассаж аббат Готье, который не стеснялся бы, даже если бы пред ним предстал папа римский. – Поскольку так считает «адмирал Его Величества»?

– Прошу немедленно доложить, что я в приемной, – ничуть не смутился адмирал. – По очень важному государственному делу.

Готье было под пятьдесят. В худосочной, затянутой в сутану фигуре его все казалось одинаково тощим, хилым и невыразительным: согбенная спина, запавшая грудь, тощая, с четко выпирающим кадыком шея... Но тот, кому когда-либо приходилось иметь дело с секретарем короля, никогда не распылялся на созерцание безликой фигуры аббата Готье, поскольку прекрасно знал, что все, что может быть достойно внимания в этом человеке, заключено в выражении пергаментно-худощавого и столь же безликого лица. Бездушно строгое, высокомерно

презрительное, оно напоминало ритуальную маску инквизитора, на котором выражение естественного превосходства и обличительной ненависти никогда не появлялось и не исчезало, а навечно запечатлелось в каждой черточке, каждой складке иконостасных морщин; во взгляде никогда не загоравшихся бесцветных глаз...

– Понимаю, что именно так и должен вести себя в приемной короля всякий великий мореплаватель, – голосом иезуитского проповедника признал Готье. – И мы, конечно же, будем надеяться, что когда-нибудь вы и в самом деле станете им, герцог. – И не давая адмиралу возможности ни осмыслить сказанное, ни, тем более, должным образом отреагировать, все тем же ровным, будничным тоном поведаль: – Его Величество – в «храме воина». После возвращения из плена, он все больше времени проводит там, – в «храме воина». – Готье оторвал взгляд от бумаги, устало прошелся по застывшему напротив него адмиралу и, ничего не сказав, тенью проскользнул в бесшумно отворившуюся позади и чуть левее его кресла дверь.

Де Робервалью не надо было объяснять, что стоит за очередным посещением королем «храма воина». Это значит, что вскоре он поведет войска на еще одну из Итальянских войн. Когда в 1525 году, после битвы при Павии, Франциск I вместе с остатками своей разгромленной армии оказался в плену у Священной Римской империи, многим эта война представлялась последней из когда-либо затеянных воинственным, но бездарным королем-полководцем. Тем более, что в Париже вообще-то не были уверены, что его и в самом деле удастся выкупить из плена. И уж тем более не ожидали, что, едва вернувшись в 1527 году во Францию, он вновь решится возобновить боевые действия против Испании и Священной Римской империи. «Рим – да падет под мечом Франции!» – вот священный девиз, который, после Франциска I вполне мог бы стать родовым девизом династии Валуа.

Однако Рим не только не падал, но, наоборот, порождал сильных и влиятельных врагов Франции в облике венецианцев, испанцев, войск «Священной Лиги»... И адмирал, которому, по воле короля, тоже не раз приходилось вступать в битвы то у берегов Испании, то у берегов Генуи, и даже Венеции, отлично понимал: до конца дней своих от «итальянского зуда», от реванша за позорное пленение при Павии, Франциск I уже не откажется. Хотя и сам он давно убедился, что ничего, кроме истощения армии и казны, Итальянские войны³ ему не сулят. В то время как его соперникам – испанцам, англичанам, португальцам и даже голландцам, значительно больше выгод и богатств приносит постепенная колонизация относительно огромных, а главное, почти мирно приобретаемых территорий.

Вот он и решил, что, если сегодня на эту вселенскую ярмарку колоний он опоздает, завтра каждый клочок их земли, каждый островок придется завоевывать такой же кровью, каковой достается сейчас каждый клочок вожденной Италии.

3

Готье появился также бесшумно, как и несколько минут тому исчез. Остановившись у стола, он положил на стол какой-то свиток и задумчиво пожевал верхнюю губу.

– Так король ждет меня? – напористо напомнил о своем существовании адмирал, чувствуя, что аббат вот-вот уйдет в себя, в тайные мысли и греховные молитвы.

– Вынужден огорчить вас, адмирал: он ждет не вас, он ждет Новой Франции.

– Что значит «Новой Франции»?! – рыкнул де Роберваль.

– Так будет называться земля, – развернул он свиток, – которую вы положите к ногам Его Величества. Взгляните на карту, на которой должен появиться флаг Франции и которая отныне должна называться Новой Францией.

³ Итальянские войны (1494–1559) – войны, которые Франция вела за обладание территориями Италии, выступая при этом против Священной Лиги и Священной Римской империи.

Адмирал обошел стол и взглянул на то место на карте, в которое уперся костлявый палец аббата. Он нацелился на север континента, открытого почти сорок лет назад флорентийцем Америго Веспучче или кем-то там еще.

– Будем надеяться, адмирал, что голландцы, испанцы и сыны Португалии удовлетворятся своим Новым Светом⁴, а посему претендовать на земли Новой Франции не станут. А вот что касается англичан... Боюсь, что с ними придется сражаться и на полях этого континента.

– И пусть не рассчитывают, что у берегов Новой Франции они будут чувствовать себя увереннее, нежели у берегов Старой, – воинственно объявил адмирал, считая, что инициатива не обязательно должна исходить от англичан, он и сам готов навязать им битву в любой части Великого Океана.

– Отныне карта – ваша, адмирал. Она тайно срисована с одной из лучших карт венецианцев, которые, как нам известно, обладают самыми точными описаниями этой земли. И поверьте, чертеж этот стоил немалых денег.

Адмирал вновь высокомерно взглянул на аббата, давая понять, что в его присутствии говорить о расходах, связанных с этой экспедицией, неблагоразумно, но в то же время осторожно, благоговейно свернул увешанный сургучными печатями пергаментный свиток.

– Меня интересует другое, господин аббат: почему о том, что эскадра должна направиться в северную часть Нового Света, я узнаю только сейчас, когда она снаряжена?

– А вы и сейчас не знаете, куда именно и для каких целей она снаряжена, – жестко парировал аббат. – Вы и сейчас не знаете этого... адмирал Его Величества! И храни вас Господь от того, чтобы хоть кто-либо из команды узнал об истинной цели экспедиции раньше, чем корабли достигнут северной оконечности Африки. Вы отправляетесь в Африку, адмирал! И все то оружие, которое имеется на кораблях, понадобится для войск наших колоний. Вам ведь не хочется прибыть в Новую Францию с эскортом англичан? Да и пираты, которые уже наверняка знают о столь долго и тщательно готовящейся экспедиции, тоже должны весьма смутно представлять себе, куда именно отправляется эскадра адмирала де Роберваля.

– Ну, если такова воля короля...

– Не сомневайтесь: она именно такова. Кстати, до берегов Африки вас будут сопровождать два военных корабля королевского флота, которые действительно отправятся к нашим африканским колониям. Значительную часть пути они будут усиливать и прикрывать вас, а в случае необходимости постараются отвлечь пиратов. Даже ценой своей гибели. И это тоже... воля короля.

– Все же мне, лично мне, о цели экспедиции король мог бы сообщить, – обиженно проворчал де Роберваль. – Что это за адмирал, которому король не доверяет тайны, от коих зависит судьба Франции?

– А он, возможно, сообщил бы. Если бы я, ну, скажем так, посоветовал ему сообщить об этом.

– Так почему же не посоветовали? – густые рыжеватые брови адмирала поползли к спадающей на лоб проседи.

– Я-то как раз и не советовал ему делать этого. Что это за король, который станет доверять своим адмиралам тайны, от которых зависит судьба Франции?

– Слушая вас, – злобно ухмыльнулся де Роберваль, – можно подумать, что подготовкой к столь грандиозно задуманной Его Величеством экспедиции к Новому Свету, именно вы и командуете.

Прежде чем оторваться от бумаги, аббат передернул подбородком и только потом с грустной усталостью взглянул на Роберта де Роберваля.

⁴ Речь идет об открытом в 1504 году флорентинцем Америго Веспучче американском континенте.

– Хотите, я сообщу вам самую главную тайну этой экспедиции, адмирал? Она, милейший мой, заключается в том, что... Его Величество командует операцией, столь грандиозно задуманной... его аббатом. Улавливаете разницу в толковании ситуации?

– Не понимаю... Это что, ваш замысел?!

– Да, адмирал, да. Это по моему настоянию и утвержден замысел экспедиции, и выделена вам столь колоссальная сумма денег, о которой до вас ни одному французскому адмиралу и слышать никогда не приходилось, и уже никогда и не придется услышать.

И адмирал не мог не согласиться с ним: щедрость, с которой финансировался его морской поход, давно поражала герцога де Робервалья, подогревая интерес к ее истинной цели.

– Вы правы, аббат, – только и мог сказать адмирал.

– Кстати, насколько я помню, чин адмирала королевского флота вы получили всего за месяц до того, как вам было предложено возглавить сию экспедицию. Я не ошибся, ад-ми-рал?

– Д-да, что-то около этого, – ошалело признал де Роберваль.

– Так вот, повесить вас с командора до адмирала Его Величеству посоветовал тот же человек, который затем предложил вашу кандидатуру на командующего эскадрой. И пусть для вас останется неразгаданной тайной, кто именно этот человек, – тонкие, бескровные уста аббата едва заметно передернула ироническая ухмылка.

– Вот оно в чем дело!.. – мрачно подытожил этот весьма странно складывавшийся разговор де Роберваль. – «Оказывается, своей морской карьерой я обязан человеку, который за всю свою жизнь вряд ли удосужился спустить на воду хотя бы шлюпку в пригородном пруду! А ведь ты настроен был против этого святоши, считая, что именно он своими советами может воспрепятствовать королю выделить вторую обещанную часть средств и оружия, чтобы таким образом окончательно завершить подготовку эскадры к выходу в океан»!

– Его Величество ждет вас, ад-ми-рал, – вдруг сухо напомнил о себе аббат, врываясь в его размышления. – И пусть хранит вас Господь не столько от океанских штормов, сколько от тех сомнений, с которыми несколько минут назад вы вошли в этот кабинет. – Уже не скрываясь, пригрозил аббат. И адмирал понял: это и есть то предупреждение иезуита, пренебречь которым – все равно что, стоя под реей, набросить петлю себе на шею.

«Храмом воина» назывался один из небольших залов дворца, соединенных с угловой башней. Вдоль стен его стояли закованные в доспехи фигуры рыцарей, а сами стены были увешаны мечами, саблями, арбалетами, морскими тесаками, луками, кинжалами и аркебузами. Адмирал знал, что в этом «храме» находилось только то оружие, которое король-воитель Франциск I добывал на полях выигранных им сражений. Король сам был неплохим фехтовальщиком и, по слухам, дважды выходил победителем из поединков на поле битвы. Кроме того, он метко стрелял из лука и аркебузы, а во время битвы при Мариньяно, – того, первого сражения, которым он руководил уже в мантии короля, – даже умудрился довольно удачно выстрелить из мортиры. Но, оказывается, для короля мало быть неплохим фехтовальщиком и уж совсем необязательно упражняться в пальбе из мортир. А вот что ему непременно следует познать, так это азы полководческого искусства, имея к нему хоть какое-то призвание.

– Мне сообщили, что новое судно вы решили назвать «Король Франциск».

– Это верно, Ваше Величество. Дань справедливости. Обещаю, что первым в бухте Новой Франции бросит якорь именно этот корабль. Сейчас он проходит испытания. Но и без них видно, что это – отличный корабль, лучший в королевском флоте.

Услышав название земли, которую адмиралу предстоит преподнести в дар его короне, Франциск I понял, что аббат успел посвятить его в тайну этой экспедиции, и недовольно передернул плечами. По замыслу короля, адмирал должен был узнать о цели похода лично от него.

– Поначалу я собирался направить этот корабль к берегам Италии. Как и всю вашу эскадру, адмирал. Но времена меняются. Оказывается, огромные территории можно завоевы-

вать, имея всего полк солдат и несколько команд быстроходных судов. Даже голландцы, и те каким-то образом сумели обзавестись колониями в Новом Свете.

– Что совершенно невероятно, – согласно проворчал адмирал. Само упоминание об успехах голландцев вызвало у него чувство горькой иронии.

Король оставил в покое персидский меч, с коротким широким лезвием, – тяжелый и неудобный в бою, которым, очевидно, пытался фехтовать, развеивая собственное одиночество, – и уселся за низкий походной столик. Приземистый, худощавый, он мало походил на истинного воина, больше напоминая аскетического вида мечтательного юношу из провинции. Охотничьи ботфорты и короткая куртка из бычьей кожи лишь дополняли этот явно некоролевский образ.

Придворным давно было известно, что процесс облачения в одежды являлся для короля мучительным. Он терпеть не мог пышностей и всегда тяготился придворными церемониалами. Очевидно, этот король и в самом деле создан был для тягот походов. Вот только сотворила его природа воином, но отнюдь не полководцем. Впрочем, войны за итальянское наследство все еще не завершены, и кто знает...

– Завтра придут еще полсотни храбрецов, – вновь заговорил король. – Из тех, что охраняли корабли во время походов к берегам Сицилии. У них есть опыт абордажных боев, все они проверены морем, привыкли к качкам и штормам. Еще несколько дней назад я приказал перебросить их сюда со Средиземного моря, из Тулона.

Оставшийся стоять адмирал вежливо склонил голову: ему нетрудно было представить себе, скольких сомнений стоило королю снять эту сотню проверенных морем опытных солдат с эскадры, которой предстоит перебрасывать новые полки к берегам Италии. Как понимал и то, с какими душевными муками он снаряжает столь мощную эскадру к необетованным, неведомым землям, вместо того чтобы направить их к землям своего лютого врага – Рима.

– Как только достигнете берегов Новой Франции, – продолжал наставлять его Франциск I, – немедленно приступайте к строительству форта и направляйте экспедиции внутрь материка. Местных вождей подкупайте. Всех, кто не поддается подкупу, – истреблять! Нам нужны земля и золото, как можно больше земли и как можно больше золота. Те, кто обладал ими до сих пор, нас не интересуют. И запомните: эта территория навечно должна стать частью нашего королевства.

– Цель экспедиции мне понятна, сир.

– В таком случае будем ждать вестей. Два корабля, которые через несколько месяцев после прибытия в Новую Францию вы отправите в Гавр, должны принести такие вести, которые бы успокоили наших кредиторов. Как видите, Готье сумел убедить нуворишей, что, оснащая эту экспедицию, скупиться не следует – продолжал король, как-то странно взглянув на герцога. Но как долго смогут они пребывать в этом убеждении?

– Готье?! – не удержался адмирал.

– Это ведь и в самом деле вклад в их будущее, в будущее Франции. – Не отреагировал на его удивление король. – Конечно, я не думаю, чтобы все они прониклись заботой о будущем нашего государства, но уж о своем собственном будущем заботиться они умеют.

– Я не стану тянуть с отправкой двух кораблей с усиленными экипажами во Францию, сир, – заверил адмирал, молвив себе при этом: «Что Францией правит король – это известно каждому. Далеко не каждому известно, кто правит королем. Так вот, теперь, адмирал, ты знаешь, кто этот человек. И это облегчит тебе жизнь».

– Когда же вы намерены выйти в море? – настороженно взглянул на де Роберваля правитель Франции. И адмиралу показалось, что он вычитал его мысли.

– Не раньше, чем через неделю.

– Никаких пышных проводов не будет. Мы не должны привлекать внимание наших врагов. Всякого, кто будет заподозрен в шпионаже, – вешать. Всякого, кто осмелится нарушать

дисциплину, попытается или хотя бы задумает вывесить на одном из кораблей «Веселый Роджер», – вешать.

– Моя твердость известна всему флоту, сир. Эскадра выйдет в море на рассвете, без каких-либо проводов, и весь Гавр будет знать, что она отправляется к нашим колониям в Африке. Всякий корабль, осмелившийся приблизиться к ней, будет отправлен на дно.

– Нам нравится ваша решительность, адмирал. И можете не сомневаться, что ваша услуга короне не будет забыта. Пусть залогом успеха станет мужество, с которым вы сражались у берегов Корсики, где, кажется, были ранены.

– У меня шесть ранений, сир, – вызываясь напомнил старый моряк. – Одно из них, кажется, действительно случилось у берегов Корсики.

Король поднялся и медленно обошел свой музей-арсенал, заставляя адмирала, пусть всего лишь взглядом, сопровождать его.

– Мы, французы, утратили воинский дух, адмирал. Победы даются нам слишком большой кровью, а поражения слишком глубоко и надолго ранят нас.

«Особенно такие, как поражение при Павии, – не без злорадства продлил нить его рассуждений адмирал. – Где вы, король, не только потерпели сокрушительное поражение от германского императора Карла V, но и оказались у него в плену. Освобождение же ваше стоило Франции потери всех ранее завоеванных территорий в Италии, которые французским рыцарям приходилось добывать такой колоссальной ценой».

Когда-нибудь он выскажет все это королю вслух. Он, герцог Генрих де Роберваль, в венах которого французская кровь густо замешана на крови германцев, никогда, в отличие от своего брата Николя де Роберваля, не был ни почитателем, ни хотя бы снисходительным сторонником короля Франциска I. И если до сих пор он не оказался в стане его открытых врагов, то лишь потому, что слишком дорожил репутацией своего рода – рода Робервалей. А главное, давно мечтал получить чин адмирала, войдя при этом в число великих мореплавателей Франции. И вот сейчас эта мечта его сбывается.

– Ваши завоевания, адмирал, должны вернуть Франции и французам величие их бывшего духа. Династия Валуа должна стать для Франции тем же, чем для Германии стала династия Каролингов⁵.

– Да и для Франции – тоже, – грубовато заметил де Роберваль, вспомнив, что и его род кровно соединен с этой династией; что и в нем тоже течет воинственная кровь ее, о чем он никогда не давал забывать ни себе, ни своему окружению. – Позволю себе заметить, сир, что мы, Робервали, принадлежим к тем старинным родам, которые еще помнят, что они породнены с династией Каролингов.

Стоявший в это время спиной к нему король едва заметно вздрогнул и весь напрягся, словно бы ожидал коварного удара предателя. Переборов в себе почти мистический страх перед покушением, Франциск² снял со стены парадный королевский меч и, положив его на обе ладони, протянул адмиралу.

Чуть замешкавшись от неожиданности, де Роберваль несмело ступил навстречу королю.

– Впредь вы должны помнить только о том, что меч этот, как и адмиральский чин, получили из рук короля династии Валуа. Пусть этот меч станет тем «жезлом примирения» между нашими династиями, который на любом клочке суши позволит вам чувствовать себя верным воином, – адмирал сразу же обратил внимание, что король сказал «воином», а не «службой», – короля Франции, его представителем; рыцарем, исполняющим его волю.

⁵ Королевская (с 751 года) и императорская (с 800 года) династия Франкского государства, основателем которой стал франкский король Пипин Короткий. Название получила по имени императора Карла Великого. После распада империи Каролингов (843 год), представители этой династии правили в Италии (до 905 года), в Германии (до 911). Во Франции представители этой династии продержались дольше, чем в других государствах – до 987 года.

4

Когда адмирал вернулся в кабинет королевского секретаря, Готье стоял за столом и внимательно изучал морскую карту, которую раньше де Роберваль у него не видел.

– Я всегда буду признателен вам, аббат, – хрипло выдохнул он, и в самом деле ощущая волнение, возникшее при новой встрече со столь много сделавшим для него человеком.

– Будем надеяться, что у вас и в самом деле хватит благоразумия оставаться... признательным мне, – проговорил аббат, не отрывая взгляда от карты. При этом адмирал заметил, что взгляд его нацелен именно на тот клочок земли, к которому ему предстоит вести эскадру.

– Когда моим кораблям удастся вернуться оттуда с золотом...

– Они должны вернуться оттуда с территорией, адмирал, огромной территорией Королевства Франции. Как на этих территориях изыскивать золото, – даже если обнаружится, что его там никогда не водилось, – об этом мы в свое время подумаем.

– Хотелось бы как-то отблагодарить вас, аббат.

– Вот именно, адмирал, почему бы вам не отблагодарить меня? Достойно отблагодарить, – невозмутимо поддержал его Готье, лишь искоса взглянув на «жест примирения», тускло мерцавший в руке воинственного адмирала. – Времена меняются, короли, к сожалению, тоже, – только теперь Готье отвлекся от карты и пристально взглянул в глаза герцога де Роберваля. – Не утверждаю, что это будет легко сделать, но я позабочусь, чтобы именно вы стали вице-королем новой колонии. Или хотя бы ее губернатором. Говорю «нелегко», поскольку найдется несколько более близких к королю людей, которым захочется получить титул вице-короля, в расчете на то, что злополучное «вице» вскоре как-то само собой исчезнет.

– Ход ваших мыслей, аббат, мне понятен.

– Не совсем, адмирал. Пока ваши корабли достигнут берегов Новой Франции, я стану епископом. Вы же как вице-король обратитесь к королю Франции и папе римскому с просьбой прислать вам епископа Готье, предварительно возведя его в сан кардинала. Ибо совершенно справедливо будет, если во главе церкви вице-королевства окажется священник в сане кардинала.

– Который со временем может стать во главе церкви всего королевства.

– Соединяя этот пост с должностью первого министра Франции, – вполголоса, вкрадчиво, как бы размышляя вслух, уточнил Готье. – И будем считать, что наша беседа внесла полную ясность и в те отношения, которые предшествовали встрече, и в те, которые станут определяться уже после вашего прибытия в Новую Францию.

Разговор был исчерпан. Адмирал чувствовал, что должен еще раз поблагодарить аббата и попрощаться. Однако, опершись обеими руками о рукоять меча, он все еще медлил, что-то все еще оставалось невыясненным для него, что-то заставляло не торопиться с уходом.

– Понимаю, адмирал, вас интересуют мои отношения с вашим братом, пэром Франции и приближенным короля, герцогом Николя де Робервалем.

– В том-то и дело, ваша святость. Насколько мне известно, в последнее время ваши отношения резко обострились. Более того, вас считают непримиримыми врагами.

– Именно так и считают, – все с той же иезуитской невозмутимостью признал личный секретарь короля. – И, не скрою, это мешает мне, поскольку, зная о нашей вражде, все мои враги – даже те из них, которые терпеть не могут ни вас, ни вашего брата, – начинают группироваться вокруг него, что, в свою очередь, дает королю возможность, принимая те или иные решения, выбирать между «партией Готье» и «партией Робервалей». Вот почему мне и в самом деле понадобится ваша поддержка, чтобы сделать ту единственную карьеру, которую я, несомненно, способен сделать, и к которой тянется моя душа – то есть церковную.

– Почему же вы не попытались помириться с моим братом?

– Вы же прекрасно знаете, что это невозможно.

– Признаю, характер у Николя еще более вздорный, нежели у меня.

– Характер Робервалей... – едва заметно ухмыльнулся аббат. – Это у вас наследственное.

Ни одного из вашего рода ни достаточно сдержанным, ни, уж извините адмирал, достаточно благоразумным не назовешь. Вот в чем вам никак не откажешь, так это в безумной храбрости.

Услышав о храбрости, адмирал, который уже готов был вспыхнуть, как-то сразу присмирел и успокоился. Признание храбрости было высшей похвалой, в обмен на которую Роберт де Роберваль готов был простить признавшему ее любую дерзость.

– И все же вам следовало бы предпринять хоть какую-то попытку привлечь на свою сторону этого одного из влиятельнейших пэров Франции.

– А я и предпринял, – осклабил свои, на удивление, белые зубы тридцатипятилетний аббат. – Вначале посоветовал королю дать вам, брату моего яростного, но приближенного к монарху противника, чин адмирала и назначить его командующим эскадрой. И у короля не было причин возражать против подобного назначения, которое, к его великому удивлению, не только не давало очередного повода для столкновений между партиями Готье и Роберваля, – а они уже порядком надоели монарху, – но и примиряли их. Затем предложил назначить вас командующим эскадрой, которой предстоит заложить основы зарождения Великой Французской империи.

– Но этим своим шагом вы вряд ли сумеете заполучить в лице пэра Франции Николя де Роберваля не то чтобы своего друга, но хотя бы сочувствующего!

– Поскольку и между вами, родными братьями, отношения простыми не назовешь, – мстительно ухмыльнулся Готье. – Дважды вас еле удерживали от дуэлей.

– Вам известна даже эта семейная тайна?

– И не только эта, адмирал; не тешьте себя... А что касается Николя де Роберваля... Этим шагом я даже не пытался привлечь его в лагерь своих друзей или хотя бы союзников.

– Тогда что же вы?.. Впрочем, исходя из нашего разговора, вы сделали ставку на будущее.

И тут аббат не выдержал и рассмеялся. Де Роберваль мгновенно нахмурился и все еще держа левую руку на эфесе меча, правой ухватился за рукоять шпаги. Набыченно уставившись на Готье, он ожидал объяснений.

– Не обижайтесь, адмирал. Но то, что я вынужден буду сказать вам, говорить я уже не должен был. Вы обязаны уяснить это для себя без лишних объяснений.

– Я моряк, а не придворный интриган, – отрезал де Роберваль. Однако на аббата это не произвело абсолютно никакого впечатления.

– Что еще раз утверждает нас обоих в уверенности, что там, в Новой Франции, вам как вице-королю понадобится опытный в придворных интригах личный секретарь, влиятельный глава церкви и твердый, холодный как айсберг первый министр вашего правительства.

«О первом министре и личном секретаре раньше речи не шло», – успел заметить адмирал.

– Нет, я не собираюсь один занимать все эти должности. Но у меня есть два брата.

– Теперь понятно, – по-простецки ответил адмирал.

– Что же касается Робервалей, то я, действительно, не сумел усмирить гнев пэра Николя де Роберваля, зато получил в союзники адмирала Роберта де Роберваля, что вполне компенсирует все те финансовые и душевные затраты, которые приходится нести в борьбе с не столь уж могущественным пэром.

– Увы, я еще менее могущественен. Меня ведь не приближают ко двору, к трону, а отсылают в океан.

– Когда я делал на вас ставку, о вашем могуществе не могло быть и речи, – резко уточнил аббат. – Но теперь вы сами убедились, что я предпринял все возможное, чтобы превратить вас, почти неизвестного мне человека, в самого могущественного подданного Его Величества. Ибо

могущество Франции, а следовательно, и наше личное, следует зарожать не при королевском дворе, и даже не на европейских полях сражений, а именно там, в океане. И, пока мы, адмирал и вице-король Новой Франции, вместе, мы – непобедимы! Тут уж можете мне поверить.

– Вы правы, аббат, – выдохнул Роберваль, пораженный столь дальновидной и мудрой комбинацией, задуманной человеком – как считают многие при дворе – совершенно случайно и незаслуженно оказавшимся в числе секретарей короля, и вообще, в числе приближенных к нему. Возможно, поэтому его брат, Николя де Роберваль, оставался одним из самых яростных противников этого чиновника.

– Удачного плаванья, адмирал, – молвил аббат, когда де Роберваль был уже у проема двери.

– Знаете, что меня поразило, аббат? – повернулся к нему мореплаватель. – Что в моем присутствии вы так ни разу и не произнесли имя Господа.

– В самом деле? – равнодушно переспросил Готье.

– Видит Бог.

– Но ведь и вы в моем присутствии тоже ни разу не рискнули произнести свое любимое: «Всех на рею, христопродавцы эшафотные!»

И только теперь адмирал по-настоящему понял, что ему еще только предстоит постигать истинную науку общения с людьми; совершенно далекую от той, которую он с юных лет своих постигал, предаваясь стихии моря и матросских кубриков.

5

...Она все еще слышала рыкоподобный крик отца, но уже не желала ни выслушивать его, ни, тем более, – оправдываться. Единственное, чего она опасалась, – чтобы кто-либо из подосланных отцом слуг или наемников не убил Роя д'Альби. Она знала: когда отец в ярости – а Николя де Роберваль обладал способностью приходить в сие дичайшее состояние по всякому поводу, – он может прибегнуть к любой гнусности, в том числе и к убийству. Из предусмотрительности, Маргрет уже послала гонца в Сен-Дени, дабы предупредить шевалье д'Альби, что тайна их обручения отцу уже известна и что ему следует всячески остерегаться. Однако гонец почему-то до сих пор не вернулся, а терпеть дикие выходки отца она больше не могла.

Ворвавшись в хозяйский двор, Маргрет кликнула старшего конюшего и приказала седлать охотничью лошадь, а еще – приготовить арбалет и охотничью шпагу.

– Но мы не готовились к охоте, – робко осмелился возразить слуга. – К тому же ваш отец...

– Вы получили распоряжение не от моего отца, а от меня, – твердо напомнила ему Маргрет. Рослая, статная, с широкими, аристократически развернутыми и чуть-чуть приспущенными плечами, она телосложением напоминала своего крепко скроенного отца, а смуглым, с правильными римскими чертами, лицом – мать, в жилах которой текла кровь византийки.

– Но никогда раньше вы не выезжали на охоту сами, без отца или дяди. И потом, вы не в охотничьем платье. А еще нужны слуги, которые бы...

– Ты, – прервала старшего конюшего Маргрет, указав пальцем на одного из молодых конюших, – да-да, ты... поедешь со мной.

– Слушаюсь, госпожа герцогиня.

– Куда бы я ни поехала.

– Как прикажете, госпожа герцогиня.

– Кажется, ты был солдатом.

– Что совершенно справедливо, госпожа герцогиня. Меня зовут Клод. Когда-то я служил бомбардиром.

– И умеешь стрелять из аркебузы.

– Вы хотели сказать «Из арбалета».
– Я хотела сказать «Из аркебузы».
– Но это не женское оружие. Оно слишком тяжело, его сложно заряжать и потом, при выстреле...

– А вам что, известно даже такое оружие – «женское»? – осадила его Маргрет, презрительно смерив отставного солдата с ног до головы.

– Не известно, госпожа герцогиня. Все оно, в самой сути своей, мужское.

– Но аркебуза... Стрелять из нее, да к тому же из седла...

– Будешь многословен, станешь первой моей мишенью.

Отставной солдат зачем-то взглянул на свою изувеченную глубоким шрамом правую руку, из-за которой, очевидно, вынужден был оставить воинскую службу, и растерянно улыбнулся:

– Если потерпите несколько лишних минут, принесу лучшую из аркебуз, которая имеется в арсенале герцога де Роберваля. С дворецким потолкую, ссылаясь на вас, госпожа герцогиня.

Спустившись к речке, Маргрет остановилась у старинной, давно онемевшей водяной мельницы и, присев на камень, молча уставилась на переливающийся под солнцем водопад. Она понимала, что решение обручиться с Роем д'Альби, сыном бывшего капитана, а ныне совершенно разорившегося и почти спившегося лавочника, имевшего всего лишь всеми позабытый титул шевалье, для нее, герцогини из древнего рода Каролингов, было чистым безумием. Но иначе она поступить не могла.

Узнав, что отец намерен выдать ее замуж за сорокапятилетнего генерала – вдовца Удо Верлена, она поначалу пыталась воздействовать на него через мать. Но это оказалось бессмысленным: отец давно перестал считаться с волей своей жены, которую и женой-то считал только потому, что так было записано в церковной книге, пером венчавшего их священника.

6

Воспоминания Маргрет были прерваны появлением отставного бомбардира, который вел двух лошадей, оседланных и навьюченных охотничьими подсумками и оружием. На луки, пистолеты и охотничьи тесаки Маргрет внимания не обратила. Еще во время минувшей охоты, на которую она выходила с другом семьи и тайным любовником матери маркиграфом де Мовеллем, – благодаря которому она, собственно, и познакомилась с Роем д'Альби, – ее привлекла аркебуза. Ни зарядить, ни, тем более, выстрелить из нее граф так и не позволил, сказав, что подходить к подобной ручной мортيره женщине непозволительно. Кажется, он не понимал, что таким образом лишь подзадорил Маргрет. И мать очень тонко уловила это.

– Напрасно вы сказали так, маркиграф, – рассмеялась она. – Теперь прекраснейшая из моих дочерей...

– ... Из дочерей Франции, – успел уточнить маркиграф.

– ... Не успокоится, пока не опробует все аркебузы, какие только найдутся в арсенале герцога де Роберваля. Да и вашем – тоже.

В таком воинственном роду не может быть женщины-невоительницы, – подыграла ей Маргрет, и все же получила право подержать в руках сие тяжелое и страшное оружие, удивив маркиграфа де Мовеля уже хотя бы тем, что сумела довольно спокойно удержать это сотворение германцев. Он-то опасался, что девушка сразу же уронит его на ноги.

Войдя на мельницу, Маргрет быстро, чем на сей раз очень удивила теперь уже отставного бомбардира, переоделась в брючный костюм амазонки и довольно шустро, без его помощи, забралась в седло.

– Вам бы стоило быть мужчиной, госпожа герцогиня.

– Я должна воспринимать это как похвалу или как оскорбление?

Конюший растерянно побряхтел; не столь ловко, как того ожидала Маргрет, уселся в седло, и, размяв свою вечно ноющую руку, заметил:

– Будь вы мужчиной, с вами проще было бы говорить, госпожа герцогиня. И, кто знает, возможно, тогда я сделал бы из вас настоящего солдата.

– Настоящего генерала, – вскинула подбородок Маргрет. – Забываете, с кем говорите... солдат.

А ей вдруг вспомнилось, как беззаботно и почти счастливо смеялась ее мать, когда граф безуспешно пытался научить ее стрелять из лука. То ли эта, как любил называть ее маркграф, «красавица в мавританском стиле» и в самом деле представляла перед миром в образе полнейшей неумейки, то ли герцогине нравилось – в присутствии воинственного, мужественного и необычайно сильного, слывшего просто-таки богатырем маркграфа – играть такую роль... Это уже не имело значения.

Маргрет не знала, насколько далеко зашли их отношения, но заметила, что мать строго пресекала все попытки дочери оставить их где-нибудь в лесу наедине, предпочитая видеть ее в качестве свидетеля и гаранта своей верности де Робервалю. Как заметила и то, что жизнерадостной и счастливой герцогиня становилась только тогда, когда рядом появлялся маркграф де Мовель. Ради этих встреч герцогиня охотно выезжала летом в свой небольшой, доставшийся в наследство в виде приданого, замок в пятидесяти лье от Парижа, которого герцог де Роберваль просто терпеть не мог; ради этого она потакала неумейке охотничьей страсти маркграфа де Мовеля, глубоко убежденного в том, что истинный аристократ в перерывах между войнами должен охотиться, а в перерывах между охотой непременно воевать. Хотя, как представлялось самой Маргрет, избранник матери был создан скорее для веселья в обществе женщин, нежели для сражений на полях битв.

Да, маркграф был именно таким. И герцогиня-мать любила его именно такого, а посему Маргрет оставалось лишь иронично созерцать увлеченность этих двух людей, коим по возрасту их – как она себе представляла – давно следовало бы забыть, что такое флирт, любовь и все такое прочее... Но коль уж в природе и душах этих людей все происходило не так, как должно было бы, то Маргрет оставалась признательной им, особенно графу, уже хотя бы за то, что время от времени вырывают ее из парижского дворца, позволяют насладиться свободой, приучают познавать жизнь леса, жизнь природы; таинства жизни и таинства смерти.

Вот и через несколько дней герцогиня-мать вновь собиралась отправиться в свой замок – келью. Куда, конечно же, немедленно прибудет маркграф. Что до Маргрет, то, из детского озорства, она собиралась прибыть туда с... собственной аркебузой. И ошеломить маркграфа метким выстрелом.

– На кого будем охотиться? – вырвал ее из потока мечтаний отставной бомбардир.

– На любого зверя, который окажется в здешних лесах.

– Тогда на зайца или перепела. Косули теперь заходят сюда редко. Медведей истребили еще сто лет назад. Давайте свернем вон туда, по изгибу реки. Там – узкая коса, и первые выстрелы на ней можете сделать, не опасаясь, что перестреляете половину жителей пригородного селения.

– Какой же вы мерзавец, Клод, как низко вы цените мои охотничьи способности!

Едва они успели свернуть на косу, как на холме, который они только что оставили, показались два всадника. Один из них заметил Маргрет и ее спутника и тотчас же затрубил в охотничий рог.

– А ведь он просигналил: «Конец охоты! Возвращаться!» – с удивлением расшифровал конюший.

– Возвращаться?! – возмутилась Маргрет. – С какой стати?! Кто они такие? Возможно, они ошиблись, и это касается не нас.

– Да нет, не ошиблись. Наверняка выполняют приказ герцога. Сами командовать герцогиней они бы не решились.

– В таком случае мы не поняли их сигнала, – жестко определилась Маргрет.

– Но он прозвучал, – пожал плечами Клод. – И если уж...

– Вы не обратили на него внимания, – прервала отставного солдата. – А я попросту не поняла. Спешиваемся. Показывайте, как следует заряжать это германское чудо. И не суетитесь.

Она прекрасно понимала, что те двое слуг – посланы отцом. И что приказ у них короткий: «Догнать и вернуть!» Однако подчиняться не собиралась.

Достигнув ближайшей поляны, Маргрет сошла с коня, добыла аркебузу и установила на входящей острием в землю подставке. Подробно объяснив девушке, как следует заряжать это оружие, поджигать фитиль и производить выстрел, Клод предоставил ей возможность проделать всю эту операцию самой, но при этом предусмотрительно отошел.

Едва гонцы герцога достигли окраины опушки, как Маргрет развернула аркебузу и, почти не целясь, выстрелила. Оловянная пуля отсекла большую ветку, упавшую позади коня первого гонца и заставившую встать на дыбы коня второго.

– Герцогиня, это мы, ваши слуги! – в страхе закричал один из всадников. – Не стреляйте, нас послал герцог!

– К сожалению, второй выстрел сделать не успею, – обронила Маргрет. – Послушайте, бомбардир, а нет ли какого-либо оружия, которое бы стреляло быстрее и весило хотя бы в половину меньше? – гонцов для нее, словно бы не существовало.

– Пока не смастерили, госпожа герцогиня.

– Когда смастерят, скажешь. Я вернусь с этой аркебузой в замок де Робервaley. Охране это покажется пострашнее нашествия гуннов. Ни одно осадное орудие не производило в нем столько разрушений, сколько произведу я. – Умолкнув, она с удивлением уставилась на бомбардира. – Чем вы хотели утешить меня, господи?! – обратилась она к слугам.

– Герцог просит вас немедленно вернуться домой.

– И уже не просит, а требует, – уточнил тот, которого чуть не задело срезанной веткой. – Он злой и требует вернуться, поскольку вообще не разрешал вам оставлять замок.

Маргрет несколько мгновений смотрела куда-то вдаль, решая как себя вести. Ей-то казалось что, в конце концов отец уgomонился. Трое суток подряд он бушевал, угрожал лишиться наследства, изгнать, отдать в монастырь. Сегодня утром он окончательно остановился на монастыре, но Маргрет решила для себя, что в монастырь она не пойдет. О чем твердо и ясно заявила ему. Поэтому сейчас она изводила себя вопросом: «Что же он придумал на сей раз?»

– Послушайте, бомбардир, дайте-ка мне еще один заряд.

– Но...

– Вы слышали, что я вам сказала?!

– Давайте я заряжу.

– Не надо, сама.

Понаблюдав, как довольно уверенно герцогиня заряжает свое грозное оружие, гонцы поспешно развернули коней и разлетелись в разные стороны поляны. Только страх перед герцогом, приказавшим без Маргрет не возвращаться, удерживал их от позорного бегства из леса.

На сей раз она выстрелила прямо с рук, но пуля ушла куда-то вверх, в крону могучего дуба, в поднебесье; а сама аркебуза грохнулась на землю.

– Но ведь солдаты же стреляют с рук? – как ни в чем не бывало, спросила она конюшего.

– Только не так, как пытались стрелять вы. Аркебузу нужно прижимать к плечу или ставить на подставку.

– Вот видите, – обратилась она к слугам. – Возвращайтесь к герцогу и передайте, что прибуду, как только выстреляю все заряды. Сколько их у нас, Клод?

– Еще семь.

– Слышали? Их еще семь. Заряжаю третий.
– Но, герцогиня! – угрожающе прокричал один из слуг. – Вам ведь было приказано!..
– Этот выстрел получится у меня более метким.
– Если вы не пожелаете, мы вынуждены будем... привезти вас в замок силой.
– Вот и привозите... силой! – решительно ответила Маргрет, вновь заряжая свою аркебузу.

7

Как Маргрет и предполагала, в замке ее ждал генерал Верлен. Приземистый, почти на голову ниже Маргрет, не в меру располневший и с землистым, морщинистым лицом, – он представлялся молодой герцогине человеческой руиной, за которую она не вышла бы замуж, даже если бы стояла перед выбором: этот супруг или костер инквизиции.

Впрочем, судя по тому, с какой суровостью встретили ее в замке родители, не говоря уже о возмущенном генерале, до костра было не так уже и далеко. По крайней мере, суд святой инквизиции был в полном составе. Присутствовал даже престарелый епископ Роже – давний знакомый ее отца, Николя де Роберваля, которому, как поговаривают, герцог был обязан приближением к королю. По крайней мере, епископу дважды удавалось удачно выступать в качестве посредника между грубоватым, вспыльчивым герцогом и Франциском I.

– О, дочь достойных родителей своих, герцога Николя де Роберваля и герцогини Алесандры де Роберваль, – торжественным тоном проповедника начал свою речь епископ, как только все присутствующие на этом «суде» расселись полукругом в овальной гостиной дворца, оставив Маргрет стоять посреди нее в гордом одиночестве. – Вы нарушили святую традицию церкви и народа нашего. Прежде чем обручиться, вам, конечно же, следовало получить благословение родителей своих. Вы же, пойдя против их воли, тайно обручились с человеком, вашей семье неизвестным, – при этих словах и епископ, и Маргрет мельком взглянули на герцогиню Алессандру, которая, дабы скрыть смущение, а вместе с ней и правду, приложила к глазам платочек.

Значительно дольше юная герцогиня задержала свой взгляд на прислоненной к стене аркебузе. Теперь она чувствовала себя увереннее, поскольку знала, как следует заряжать это грозное оружие и как из него стрелять.

– Своим решением, – продолжил тем временем епископ, – вы навлекли на себя праведный гнев отца вашего, который отказывается признать ваше обручение и требует, чтобы вы венчались с человеком вашего круга и вашего достоинства.

Епископ как-то странно обвел взглядом всю гостиную, словно бы пытался отыскать человека «ее круга и ее достоинства», но так и не обнаружив его, лишь в последнее мгновение повернулся лицом в сторону генерала де Верлена.

– Позвольте, я уже обручена, – заметила Маргрет, чувствуя, как к горлу ее подступает комок обиды и растерянности. – Не посмеете же вы, столь высокое духовное лицо...

– Посмею, дочь моя, посмею. Если на исповеди вы раскаетесь в содеянном, объяснив свое действие тем, что на вас нашли слабость и затмение разума; что вас похитили или принудили; и наконец, что вероятнее всего – на вас воздействовали колдовством. Вот именно, колдовством! – воодушевленно ухватился епископ за эту мысль, которая только сейчас посетила его. – Разве не так дочь моя?..

– Какое еще колдовство, ваша святость? Колдовство – это больше по моей части.

Услышав это, герцогиня Алессандра побледнела и раздосадованно всплеснула руками. Она прекрасно знала, что такое настоящий суд инквизиции.

– Мне ведомо, – продолжал Роже, что шевалье де Альби обучается премудростям лекаря, но... где грань между врачеванием и сатанинством? Однако не будем сейчас об этом, – взгля-

нул он на Алессандру. – Я как лицо высокого духовного сана смогу отпустить вам этот грех, Маргрет де Роберваль, и избавить вас от обета, данного при обручении.

«А ведь стоит мне признать, что обручение состоялось по непонятным мне причинам или что на меня наслано колдовство, как эти ироды и впрямь отправят моего медикуса на костер инквизиции!» – ужаснулась Маргрет.

– Меня никто не принуждал, святой отец, – твердо заявила она. – Это, скорее, я принуждала студента-лекаря Роя д'Альби. – Мать тихонько охнула и схватилась рукой за горло. Как всегда, когда она волновалась, у нее начинались спазмы гортани.

– Повторяю, – еще упрямее молвила Маргрет, – обручение состоялось по моей воле. Мы решили, что станем мужем и женой и что через год обвенчаемся. И ни я, ни мой избранник от решения этого не отступимся.

– Стоит ли отвечать так сразу и столь необдуманно? – смутился епископ, с опаской поглядывая то на набыченно сидящего в высоком венецианском кресле генерала, то на герцога де Роберваля.

– Я готов публично простить вам вашу ошибку, Маргрет, – первым заговорил генерал де Верлен, сославшись при этом на прощение его преосвященства и нерасчетливость молодости. – Разумеется, после того как епископ избавит вас от таинства обручения.

– Я сама избрала этого человека, господин генерал. Я глубоко уважаю его, он мне мил. Если это «нерасчетливость молодости», то дай Бог, чтобы и вы в своей... старости – она налегла на слове «старости» – оставались столь же нерасчетливыми.

Епископ даже не пытался скрыть своей ухмылки. Возможно, он действительно не одобрял ни ее решения, ни действия кюре Сонеля. Однако же и согласиться с выбором герцога тоже не мог – Маргрет знала об этом со слов матери, с которой епископ как ее исповедник всегда был значительно откровеннее, нежели она с ним.

– Это ваше окончательное решение, Маргрет де Роберваль?! – громогласно спросил герцог.

– Да, окончательно.

– Но погодите, Николя! – взмолилась мать. – Дайте девушке успокоиться и обдумать свой поступок. Вспомните, что в молодости все мы...

– Кроме нее, – прервал свою супругу герцог. – Поскольку она уверена, что мудрее всех нас. Она сама решает, как ей быть, с кем жить и даже – какому богу молиться. Наше решение, Маргрет де Роберваль, таково: я лишаю вас своего отцовского благословения, лишаю приданого, лишаю какой-либо отцовской поддержки и, что само собой разумеется, лишаю наследства. Кроме того, я требую, чтобы вы немедленно покинули мой дом и отправились в монастырь.

– В монастырь? – как-то совершенно спокойно переспросила Маргрет. – Ну нет, в монастырь я не пойду. Отправляйтесь-ка вы туда сами.

В зале воцарилась тягостная, зауспокойная тишина. Глаза герцогини Алессандры были широко открыты и преисполнены ужаса.

– В таком случае, – холодно взорвался герцог, – я требую, чтобы вы завтра же покинули мой дом.

В ту же минуту дверь отворилась, и слуга произнес:

– Господин герцог, к нам прибыл...

– К нам прибыл я, – небрежно, то ли отстранил, то ли попросту отшвырнул его от двери адмирал Роберт де Роберваль. – Что вы безмолвствуете? Покажите же, как вы все рады моему появлению.

– О да, конечно, – спазматически выдохнула Алессандра.

– Я только что от Его Величества. Через три дня эскадра выходит в море. Я получил все, что мне надлежало, и теперь Великий Океан – мой! Он мой, Николя! – грохнул адмирал

кулаком по столу так, что, казалось, тот должен был разлететься. – И Великий Океан и Новый Свет – мой. Кстати, что здесь у вас происходит? – на полуслове запнулся он, остановившись возле Маргрет.

– Меня пытаются постричь в монахини, – объяснила юная герцогиня с таким спокойствием, словно речь шла о ком-то другом, а она всего лишь присутствует при этом семейном скандале.

– В монахини? Стричь? Прямо сейчас? – Хохотнул адмирал. – С какой стати? Никто замуж не берет? Что ты молчишь? – Сурово обратился он к брату.

– Разве тебе не известно, в какой позор ввергла всех нас, весь род Робервалей эта... – не нашел нужного слова Николя де Роберваль, кивнув в сторону дочери.

Чувствуя, что внимание владельца замка переключено на адмирала, епископ Роже попытался незаметно покинуть зал, но услышав грозное: «Останьтесь, епископ, вы нам еще понадобитесь!», вынужден был трусливо отказаться от этой попытки.

– Она что, так и не отступилась от своего нищего студента? – презрительно поинтересовался мореплаватель.

– Нет, конечно же. Даже не взирая на просьбы епископа и обещание снять с нее данный ею обет.

– И что в этой ситуации вы намерены делать? – появились в голосе адмирала какие-то вкрадчиво-садистские интонации. – Как намерены поступить, брат мой?

– Придется изгнать ее из дому.

– На вашем месте я поступил бы точно так же.

– Не удивляюсь! О вашей жестокости давно ходят самые мрачные слухи, – отомстила ему Маргрет. – И даже легенды.

– Что? – побагровел адмирал. – О моей жестокости?! Они еще только будут ходить, эти слухи и легенды! Впрочем, что ты можешь знать об истинной жестокости? Жаль, что ты не выйдешь со мной в море. Ибо до сих пор я был добр и кроток, как агнец. Там бы ты познала, что такое истинная жесткость. И ты, и твой нищий неуч.

– А ты, действительно, возьми ее... туда, в Новый Свет, – вдруг ухватился за эту мысль Николя де Роберваль.

– То есть как? – опешил адмирал. – Как я могу взять ее? В качестве кого?! Женщина на борту...

– Но ведь это не обычная эскадра. Вы уходите в океан, чтобы обживать новые земли Франции. Так вот, пусть она и станет первой поселенкой Франции. И, если ей удастся найти там человека достойного рода де Робервалей...

– Это среди моих-то висельников?! – вновь по-гусиному гоготнул адмирал. – Эшафотных хриstopродавцев?

– Пусть не сразу, со временем... – смутился своей оплошности пэр Франции.

– Когда вслед за вами, – вдруг несмело подала голос герцогиня Алессандра, понимая, что это путешествие может спасти ее дочь и от гнева отца, и от брака с шевалье, а главное, от монастырской кельи, – придут дети французских аристократов, получившие там земли и должности.

Молвив это, хозяйка замка обратила свой взор на епископа.

– Вы правы, ваше высочество, – неохотно подключился к их разговору Роже. – Путь, конечно, долгий и опасный, но... Даже самой заблудшей душе нужно дать возможность искупить свой грех, свою вину и ступить на путь истинный.

– Всегда ли вы столь «милосердны» к своим прихожанам, епископ? – въедливо поинтересовалась Маргрет. – Не вы ли слывете одним из самых яростных сторонников инквизиции? Не на вас ли как на приближенного папы римского полагаются все местные иезуиты?

– Я приказываю вам замолчать! – рявкнул Николя де Роберваль. – Не смейте в моем присутствии высказывать эти свои гнусности!

– Теперь все мы убедились, что эта девица неисправима! – взорвался адмирал. – Если она останется здесь, то будет мутить народ, позорить род Робервалей своими рубищами нищенки и в конце концов все же угодит туда, куда непременно должна угодить – то есть на костер. Так лучше и в самом деле увезти ее из Парижа, из Франции. А там, авось, поумнеет.

Робервали и епископ переглянулись. В зале наступила такая звенящая тишина, что, казалось, под сводами его вот-вот запоют ангелы. Однако все ждали не их пения, а окончательного решения хозяина замка.

– Когда уходит эскадра? – спросил Николя де Роберваль.

– Через трое суток. Как только я прибуду в Гавр.

– Маргрет должна отбыть вместе с вами.

– В таком случае немедленно снаряжайте карету и отправляйте ее под охраной гвардейцев. Пусть только доставят ее на корабль – там она сполна познает и что такое крест простолюдина, и что такое истинное сопереживание.

Поняв, что судьба ее решена, Маргрет все же нашла в себе мужество смерить адмирала презрительным взглядом и, не спеша, преисполненная достоинства, направилась к выходу. Только теперь Роберт де Роберваль, появившийся в этом доме после нескольких лет скитаний по морям и портам, обратил внимание, насколько красива фигура его племянницы, за которой он, как и любой другой мужчина, будет иметь теперь право поухаживать. И встревоженная герцогиня Алессандра не могла не обратить внимания на то, каким плотоядным взглядом провожал адмирал ее дочь до самой двери. И как потом, когда Маргрет уже вышла, продолжал смотреть на дверь, словно бы мысленно провожая девушку длинной мрачной прихожей.

– Но вы, Николя, понимаете, – неожиданно обратился адмирал к своему брату, – что на борт она может взойти лишь как дочь пэра Франции и племянница командующего эскадрой; которая сама, по собственной воле, решила ступить на землю Новой Франции...

– Эта земля будет называться Новой Францией? – совершенно некстати удивилась герцогиня.

– Но только вы, Алессандра, названия этого не слышали, ибо сие есть личная тайна короля. Так вот, она должна ступить на корабль как особа, приближенная к королю, как символ Франции. Иначе моряки попросту растерзают ее. Мне и так придется жестко пресекать все их заигрывания. А чего от них ожидать? Моряки в океане. В Великом Океане, где они несколько месяцев вообще не будут видеть женщины. Понятно, что эти ублюдки звереют. Кстати, с ней обязательно должна быть гувернантка. Только не из молодых – смазливых. Ну, и, конечно же, ваша дочь должна быть обеспечена всем необходимым для длительного путешествия.

– Сейчас же отдам необходимые приказания, – заверил его Николя.

– Утром карета должна тронуться в путь.

– Как?! – неожиданно сдали нервы у отца Маргрет. – Уже утром?!

– Не стану же я из-за нее задерживать всю эскадру, – проревел Роберт де Роберваль. – У меня приказ короля.

Герцогиня Алессандра попыталась что-то произнести, но в очередной раз астматически задохнулась и, сжав пальцами горло, бросилась к двери. И никто из братьев Робервалей не поспешил за ней, не нашел ни слова, чтобы хоть как-то успокоить ее.

8

Приготовления к отъезду продолжались весь остаток дня и всю ночь. Однако саму Маргрет к ним не допускали. Этим занималась ее гувернантка – пятидесятилетняя корсиканка Бастианна, и еще несколько слуг.

Попытка юной герцогини хоть ненадолго оставить замок, чтобы в последний раз пройтись его окрестностями, а значит, и окрестностями Парижа, тоже немедленно была пресечена двумя вооруженными стражниками. Поняв, что отец превратил ее в узницу замка, Маргрет выставила из отведенных ей двух комнат охранника, закрылась и до утра никого к себе не впускала и на обращения не откликалась.

Что только она ни пережила за эту ночь: слезы горестной обиды и прощания с Парижем; негодование по поводу жестокости отца и дяди и презрительную жалость к бессилию матери; тоску по возлюбленному, который вот уже вторую неделю не подает о себе никаких вестей, и бунт души, жажду отмщения... Единственное, о чем она старалась не думать, так это о предстоящем путешествии на край Земли. Она, конечно, понимала, что даже представить себе не может, насколько долгим, трудным и совершенно невероятным оно в действительности окажется. Но в то же время как натура твердая и по складу характера своего авантюрно-романтическая Маргрет уже загоралась предчувствием увлекательного, преисполненного приключениями и риском путешествия.

Уже поздно вечером Бастианна пересказала то, что услышала от гонца, посланного ею в Сен-Дени, к родительскому дому Роя. Тот сообщал, что прошлой ночью в дом к спившемуся, болеющему отставному полковому лекарю д'Альби ворвались трое, которые заявили, что они из полиции, и потребовали сказать, где сейчас находится его сын. При этом они твердили, что Рой уличен в черной магии и противных Господу медицинских экспериментах и за это должен предстать перед судом инквизиции.

Маргрет сразу же поняла, что это и есть те люди, которые, независимо от того, кем они были на самом деле, посланы в Сен-Дени ее отцом. Что еще раз подтверждало то, о чем хорошо знали и в замке, и далеко за его пределами: герцог де Роберваль слов на ветер не бросает; каждую свою угрозу он непременно пытается воплотить в жуткую реальность. Единственное, что ее утешало, что шевалье д'Альби сказал этим людям, будто бы Рой отбыл в Гасконь, к родственникам своей матери, чтобы оттуда перебраться в Испанию.

Поверили наемники его словам или нет – это уже особого значения не имело. Главное, что отец не направил их в Гавр, а значит, у Роя д'Альби есть несколько дней, чтобы попытаться осуществить их общий план и наняться матросом на один из кораблей эскадры адмирала Роберта де Роберваля. А ведь если бы ему это удалось, тогда все не так уж плохо складывалось бы в этой ее мерзкой житейской ситуации, в положении изгнанницы.

Маргрет, конечно же, ни за что не согласилась бы уплывать к каким-то неведомым землям, через весь океан, а тем более – на судне, которым будет командовать ее дядя. Но так уж странно складывалась ее судьба. По какому-то роковому стечению обстоятельств она сама подготовила для себя эту ловушку... уже хотя бы тем, что предложила Рою наняться на какой-либо корабль эскадры адмирала де Роберваля. Ей-то и в сонном бреду не могло примерещиться, что она тоже окажется «матросом» адмиральского корабля. Да, еще сегодня утром... даже предположить... Но именно так все и произошло. Само провидение влечет ее в океан вслед за возлюбленным. Такое не может быть случайностью. Такое – нет. Это рок. Они сотворены друг для друга, и Господь, вмешиваясь в волю и деяния людей, ценой каких-то невероятных жертв и лишений самих возлюбленных все же дарует ей, Маргрет де Роберваль, возможность, которую до сего времени, очевидно, не даровал ни одной другой женщине: оставив замок, уйти в океан вместе с человеком, с которым тайно обручена.

И если это так, если все исходит от Господа, а не от сатаны, значит, ни епископ, ни отец с матерью не правы! Господу угодно, чтобы они – Маргрет и Рой – были вместе!

Если бы она точно знала, где именно Рой д'Альби пребывает в Гавре и на какой корабль нанимается, то, конечно же, нашла бы способ убежать, прежде чем ее доставят в порт. Она сумела бы вырваться из-под опеки стражников то ли по пути в Гавр, то ли в самом городе. Но зачем все так усложнять? Она не может раскрывать инкогнито Роя. Адмирал не должен

заподозрить, что «нищий студент» оказался в команде его эскадры. И потом... каково же будет удивление Роя, когда он узнает, что его герцогиня тоже плывет в Канаду. И если к тому же удастся попасть на одно и то же судно. Во всяком случае там, в Канаде, они смогут наняться на какую-либо службу, построить себе дом... Конечно же, они долго и смертельно будут тосковать по Франции, по Парижу. Но ведь, в конце концов, они с Роем окажутся там не одни. Таких, как они, аристократов, коим выпало сотворить Новую Францию на далеких канадских берегах, окажется сотни. Что же касается ее и Роя д'Альби, то когда-нибудь они обязательно вернутся во Францию... счастливыми и состоятельными.

* * *

Тройной стук в дверь. Это опять Бастианна. Когда ей исполнится пятьдесят, они уже целую неделю будут в море. Несмотря на столь почтенный возраст, выглядит эта, некогда жгучая брюнетка, все еще довольно молодо и даже смазливо; седина ее еще только несмело пробивается сквозь коротко, по-мужски стриженные волосы, а фигура сохранилась настолько, что на улицах Парижа мужчины порой ускоряли шаг, стремясь поскорее поравняться с ней, наивно полагая увидеть, если уж не девушку, то, по крайней мере, женщину лет тридцати.

– Я узнала: кучером у нас будет Клод – отставной бомбардир, вместе с которым ты чуть было не перестреляла половину наших слуг.

– Отставной бомбардир?! – грустно обрадовалось Маргрет. – Это хорошо. Кажется, ему можно доверять. В Гавре мы попытаемся задержать его при себе, пусть поищет Роя д'Альби.

– Так он в Гавре? – подбоченясь, передернула плечами непомерно грудастая Бастианна.

– Где же еще?!

– И ты молчала?

– Но я вынуждена была скрывать это от всех, и от тебя – тоже.

– Я давно знала, что женщины, когда они влюбляются, хоть немножко, но все же мудреют. А вот у мужчин все наоборот, они... Э, да ты, никак, плачешь? – прервала она себя на полуслове.

– Мне страшно, Бастианна. Море, корабль, сотни полупьяных матросов, пираты...

– О да, особенно пираты... – беззаботно рассмеялась Бастианна. – Хотелось бы мне увидеть их в морском сражении.

– Кого? – не поняла Маргрет. – наших моряков?

– Почему моряков? Пиратов, конечно же!

Маргрет умолкает, промокает платочком слезы и почти с ужасом смотрит на гувернантку.

– Послушай, тебя что, совершенно не огорчает, что нам придется покинуть Париж, выйти в океан и плыть к какому-то далекому неведомому острову?

– А почему меня это должно огорчать? Париж мне давно осточертел. Как и ваш замок, вы уж простите меня, герцогиня. – Они всегда обращались друг к другу то на «ты», то на «вы», в зависимости от настроения.

– Но такого не может быть.

– А я тебе говорю: совсем не огорчает! – еще более решительно раскачивает свое туловище Бастианна, по-прежнему пытаясь разговаривать с Маргрет так, как привыкла разговаривать с ней, когда та еще была девчонкой. Каждое слово произносит полушутя-полуигрово, словно бы поддразнивая свою воспитанницу и приглашая порезвиться-позабавиться.

– Вдруг мы пристанем к какому-то дикому острову. И нам придется жить там, как туземцам или как в тюрьме.

– «Как на острове» и «как в тюрьме» у меня прошла большая часть жизни, проведенной в замке де Робервалеи, герцогиня. Здесь вам и остров, и тюрьма, и всякая, какая только возможна, дикость. Вплоть до туземцев.

– Ну, я-то подобным образом рассуждать не могу.

– Вы – нет. Это я буду так рассуждать. И потом, стоит ли пугать морем и островом меня, корсиканку, все предки которой выросли на острове, у самой кромки моря? Это, наверное, из-за меня ты окажешься в океане. Это моя судьба: кончить дни свои на каком-то из необитаемых островов и быть повешенной на одной рее с пиратами.

– Господи, Бастианна!.. О чем ты?

– О своей судьбе.

– Никогда бы не подумала, что приговор Робервелей ты воспримешь с таким спокойствием.

– С таким же спокойствием я приму и приговор королевского суда, – смеется Бастианна. – Ты кто? Ты – дочь герцога. А я – дочь корсиканского пирата. Его тоже звали Бастианном. Бастианн Безбожник... Когда-то это имя гремело на всю Корсику. Моего отца боялись и уважали. Под его командованием находилось три пиратских корабля. Но все знали, что на корсиканцев он не нападет; богатых мавров, сицилийцев, генуэзцев, французов – этих да, этих он не жалел.

– И что же с ним в конце концов произошло?

– То же, что и со всеми остальными людьми его ремесла. Для того, чтобы попасть на Небеса, пирату сначала следует попасть на морское дно. Не знаю, где и когда это произошло, но что прошел он именно этот путь свой судный, – в этом можно не сомневаться.

– Почему же ты никогда раньше не рассказывала о нем?

– Дочери герцога? О том, что я – дочь пирата? Если бы твоя матушка или твой распутный папенька узнали об этом, они выставили бы меня на следующий же день.

– А как же ты попала к нам?

– Как попала, как попала... А черт его знает, как я попала?! Да еще к вам. Однажды, когда отец уже, очевидно, сгинул в морской пучине где-то возле Геркулесовых Столбов, на наш поселок напали солдаты, прибывшие с французской эскадрой. Он считался пиратским – и это была святая правда. Вряд ли у нас отыскалась бы семья, в которой бы кто-нибудь да не выходил в море под пиратским флагом, не продавал душу этому богоугодному ремеслу. Даже если при этом выдавал себя за правоверного рыбака. Так вот, французы решили раз и навсегда уничтожить это пиратское гнездо. Всех мужчин, которые не были в море или не успели уйти в горы, они перебили. Старух и детей – тоже. Ну а мне было семнадцать. Меня и еще около двадцати девушек и молодых женщин они взяли с собой на борт.

– Зачем?!

Бастианна как-то загадочно и в то же время снисходительно улыbnулась и, ничего не ответив, вышла на балкон. Ночь была теплой и душистой. Яркий полумесяц нимбом охватывал крест на вершине собора, образуя символ новой веры. На старой мельнице томно рыдала сова, в которую, как гласит молва, воплотилась душа какой-то парижской блудницы.

– Ласковая ночь, дарованная нам для ласковых мужчин, – сладострастно потянулась корсиканка.

– А что, разве и в таком, в твоём, возрасте женщина все еще мечтает о мужских ласках? – настороженно поинтересовалась Маргрет, на несколько минут забыв о том, что готовит им обоим гаврское утро.

– Дочь моя, только в этом возрасте мы, женщины, и начинаем по-настоящему бредить этими самыми мужскими телами и мужскими ласками. Потому что только в этом возрасте начинаем по-настоящему ценить то, что даровано нам Господом от утех земных. Ибо только в этом возрасте каждого мужчину воспринимаешь как последнего в твоей жизни и воздаешь ему за труды его, тоже... как последнему в твоей жизни, и прощаешься с ним как с последним мужчиной в твоей распроклятой жизни, – с тоской и горечью. И стоит ему только оглянуться и позвать...

– Вот как? – изумленно выдохнула Маргрет. – Я даже предположить не могла, что это длится так долго, что эта страсть...

– О страсти вам лучше потолковать с герцогиней Алессандрой, «красавицей в мавританском стиле». Впрочем, не будем об этом. Одно только плохо, в этом моем возрасте...

– Что именно?

– Сказать?

– Конечно.

– Честно? Как женщина женщине?

– Я тебя не выдам.

– Да что тут выдавать? А главное кому? Так вот одно в «нашем» – моем возрасте женском плохо: что мужчины наши, увы, стареют вместе с нами. И, что самое страшное, многие даже значительно раньше нас. А все остальное, как и в твои девятнадцать.

Она обняла Маргрет, и они рассмеялись, как две юные заговорщицы; и старая сводница-луна столь же каверзно и греховно ухмылялась им в ответ.

– Ладно, заговорила я тут с тобой. Пойду прослежу, чтобы не забыли погрузить на повозки все, что нам понадобится в дороге. Герцог поначалу распорядился дать нам карету и всего лишь одну повозку для багажа. Я настояла, чтобы дали две. Как думаешь, если утром попросить третью, удар его не хватит?

– А по-моему, двух достаточно.

– Нет, все-таки попрошу третью. Из вредности своей корсиканской. К тому же потребую, чтобы дали тебе денег, драгоценностей. Ну, пусть не в виде приданого, а просто так. Надо же тебе с чего-то начинать на той, далекой, невесть кем, когда и для чего сотворенной земле! Герцогиня, правда, небольшую шкатулку с драгоценностями уже дала. Но для нас с вами, Маргрет, этого мало, – вновь воинственно подбоченилась Бастианна. – Если уж завоевывать Новый Свет, то завоевывать, как подобает парижанкам.

Бастианна вернулась в комнату и направилась к двери, но Маргрет попыталась остановить ее.

– Ты же так и не рассказала, зачем вас захватил французский корабль, и что там с вами происходило, а главное, каким образом оказалась в нашем доме. Я уже несколько раз спрашивала тебя об этом, но всякий раз ты отмалчиваешься.

– И не стану рассказывать.

– По-че-му? – притворно обиделась Маргрет.

– Потому что тебе этого пока что не понять.

– Мне уже девятнадцать, Бастианна. Я обручена, и мы с Роем уже даже... – приложила она палец к губам.

– Вот об этом тебе, бесстыдница, лучше помолчать, – вполголоса усовестила ее корсиканка. – Даже со мной. Пока что, – тут же спохватилась она. – А вот на корабле расскажешь поподробнее. Уж что-что, а я такие истории люблю. Кстати, о том, что происходило со мной, тоже узнаешь на корабле. Потому что, только побывав на палубе неделю – другую, увидев совершенно озверевших без женщин, осатанело мечущихся в тоске от борта к борту мужчин, в состоянии будешь понять, что они вытворяли с нами там, в море, после того как корабли отошли подальше от берегов Корсики.

9

Шпиль собора освещался уже не месяцем, а яркими лучами утреннего солнца, когда трубач на привратной башне протрубил свою прощальную мелодию, ворота замка открылись и карета изгнанницы выкатилась на усталенную древним булыжником мостовую, ведущую вдоль

крутого берега речушки на север, к развилке дорог, одно из ответвлений которой уводило к Парижу, другое – на север, в сторону Гавра.

Поскольку Маргрет из замка изгоняли, герцог запретил устраивать какие бы то ни было проводы, и даже матери ее разрешил попрощаться только в виде благословения на далекий и нелегкий путь, которое молодая изгнанница получила и из уст епископа Роже. Сам же герцог Николя де Роберваль лишь сквозь зубы процедил:

– Когда станешь благоразумной и поведешь себя в Новой Франции, как подобает дочери пэра, герцога де Роберваля, через три года я, возможно, сумею простить тебя и даже решусь принять в своем замке. Но не раньше.

– Три года – слишком малый срок, чтобы я... сумела простить вас, герцог де Роберваль, – холодно ответила Маргрет, поправляя наброшенную на плечи черную дорожную накидку. – А потому советую запастись терпением.

Если при прощании мать и сумела сдержать слезы, то только потому, что слез этих у нее уже не было. Алессандра проплакала всю ночь, и лицо ее распухло так, что в ближайшие две недели показаться на глаза своему возлюбленному маркграфу де Мовелю она вряд ли решится.

Чтобы подчеркнуть, что лично он провожать дочь не собирается, герцог ушел со двора, поднялся на выходящий к воротам балкон и только тогда приказал выпустить обоз юной герцогини. Не решаясь послушаться грозного мужа, Алессандра, сама помнившая о любовном грехе своем, робко последовала за герцогом. Однако Маргрет простила ей это. Ей, все еще остающейся в этом мрачном замке, она могла только посочувствовать.

– Вам-то за что такое наказание, досточтимая донья Бастианна? – сочувственно спросил Отставной Бомбардир, помогая замешкавшейся служанке сесть в карету.

– Это для Маргрет – наказание, – беззаботно ответила корсиканка. – Меня же спроси, за что мне такое... помилование.

Усевшись на переднее сиденье, чтобы герцогине оставалась вся задняя часть кареты, она сияла от радости. Едва осмотревшись в уютной, оббитой шерстяной тканью карете, она тотчас же приоткрыла окошечко, чтобы лучше видеть окрестности. Маргрет почувствовала, что корсиканка действительно истосковалась по дороге, по воле, по морю; что она и в самом деле прирожденная путешественница, и никакими дальними странствиями ее не запугаешь. И эта бесшабашность Бастианны, ее уверенность в себе постепенно передавались Маргрет.

– Ей вы, душегубы! – прикрикнула корсиканка на вооруженных конных слуг, которые сопровождали их обоз. – Не пылите тут. И вообще, держитесь подальше, чтобы герцогиня, а уже тем более я, видели ваши полупьяные личика как можно реже.

Всадники тотчас же разделились, и двое из них ускакали вперед, двое стали держаться позади обоза. Карета тронулась в путь. Замок, разные места, Париж, все это уже оставалось в прошлом. Не прошло и часа, как у какой-то деревушки все четверо слуг вновь оказались у кареты.

– Клод! – прокричал старший из них. – Нас догоняет группа всадников, человек пять.

– Всего лишь? – ответил тот. – С возницами повозок нас семеро. И все вооружены. Кстати, герцогиня, для вас я тоже кое-что припас.

Приоткрыв рундук своего передка, он на глазах у выглянувшей из кареты Маргрет извлек оттуда аркебузу. По странному готическому узору на ложе ее Маргрет сразу же определила, что это и есть та самая, из которой только вчера она училась стрелять. Теперь она приняла это оружие у Отставного Бомбардира, – она так и решила называть Клода – как ценнейший дар. – И еще, вот, пистолет, – не переставал удивлять ее Клод. – И мешочек, в котором тридцать зарядов к аркебузе и десять к пистолету.

– Вы что, на войну собрались? – изумилась Бастианна. – Или, может, вздумали вместе с герцогиней захватить корабль, чтобы поднять черный флаг?

– Начну с корабля и черного флага, – пообещала Маргрет. – И еще подумаю, взять ли тебя в команду. Клод, ты согласен захватить один из кораблей адмирала де Роберваля и поднять черный флаг? – О приближающихся всадниках она старалась не думать. Это ведь могли быть и случайные проезжие.

– Если вам понадобится лучший из бомбардиров Франции, можете рассчитывать на меня.

– Что это вы так веселитесь, словно собрались на королевскую охоту, а не в изгнание?! – изумился старший стражник, худощавый, аскетического вида сержант лет тридцати пяти. – Мне два года пришлось прослужить в гарнизоне крепости на одном из Нормандских островов. Так это было то же самое, что два года провести в тюремном подземелье.

– Это потому, наш сержант, что рядом с вами не оказалось нас, – озорно просветила его Бастианна.

Тревога оказалась ложной. Это в сопровождении вооруженных слуг проезжал какой-то молодой дворянин. Узнав от возницы задней повозки, что с обозом в Гавр направляется молодая герцогиня да Роберваль, прыщеватый, похожий на хорька, повеса решил засвидетельствовать герцогине свое почтение. Но когда, склонившись с коня, он приоткрыл дверцу кареты, в грудь ему уперся ствол аркебузы.

– Это в-вы, г-герцогиня? – заикаясь, спросил дворянин, опешив от такой встречи.

– Я, как видите, мсье.

– Позвольте представиться: виконт де Визель.

– Можете считать, что уже представилось, виконт. Закройте дверцу и уводите своих воинов. Моя служанка терпеть не может, когда рядом с каретой кто-то пылит.

– Прошу прощения, герцогиня. Я удивлен, что, кроме слуг, вас никто не сопровождает. Ни одного аристократа.

– Сейчас герцогиня выстрелит, виконт, – жестко предупредил наглеца Отставной Бомбардир. – Двоих своих женихов она уже застрелила.

– Странно, что она сразу же не пальнула, – невозмутимо поддержала его неистовая корсиканка.

Поверил им виконт или нет, этого Маргрет знать уже было не дано. Но она видела, как побледнело лицо парня и как, отшатнувшись от все еще наставленного на него ствола аркебузы, он прищипорил коня.

* * *

Гостиница, в которой они остановились на ночь, называлась именно так, как и должна была называться гостиница, приютившая изгнанницу: «Одинокый путник». Маргрет заказала себе лучший номер, какой только мог выделить ей хозяин – тощий, болезненного вида англичанин, и, поужинав прямо в номере и, взяв себе в провожатые только Клода, отправилась бродить по городку. Узнав об этом, хозяин опешил:

– Как?! Молодая леди, на ночь глядя, отправляется бродить по незнакомому городку, взяв себе в провожатые всего лишь одного слугу?!

– Если бы вы знали, кто эта леди, вы удивились бы еще больше, – успокоила его Бастианна. – Или, наоборот, вообще и надолго перестали бы удивляться.

Англичанин передернул подбородком и на какое-то время застыл, уложив этот свой костлявый подбородок на не менее костлявое плечо. Однако поинтересоваться, кто же именно посетил его гостиницу, не решился. Тем более что он видел, что те четверо стражей, которые сопровождали обоз, тоже хотели сопровождать Маргрет, но Бастианна так прикрикнула на них: «Не смей! Она – свободный человек, и это последний город Франции, с которым герцогиня имеет возможность достойно попрощаться!», что они мгновенно успокоились и, выпив еще по полбутылки вина, уже за счет герцогини, завалились спать.

Вооруженный заряженными пистолетами и тесаком, Отставной Бомбардир деликатно держался в нескольких шагах от Маргрет. Каким-то образом ему удавалось тенью следовать за ней, ничем особо не напоминая о себе.

Ночь выдалась светлой, лунное сияние голубоватым половодьем затопливало узкие улочки городка, освещало его площади, придавало таинственности и без того таинственным храмам. Маргрет жадно всматривалась в очертания строений, в силуэты памятников; прислушивалась к гортанному пению подвыпивших завсегдатаев трактиров. Знакомство с этим шумным, вольнолюбивым городком странным образом соединялось с прощанием с Францией, и это придавало ее ночной прогулке какой-то особой, ностальгической чувственности.

Ей почему-то чудилось, что и там, в далекой Новой Франции, судьба ее сложится как-то по-особому; что и там, среди сотен искателей приключений, загнанных туда солдат и жаждущих поправить свои дела поселенцев, она будет чувствовать себя отвергнутой. А ведь еще ее ждали одиночество, тоска, какие-то не только ей, но и вообще до сих пор никому из французов неведомые условия жизни...

«Все твои самые страшные предчувствия будут связаны только с плаванием на корабле, – пыталась успокоить себя герцогиня. – Но и там ты окажешься не в одиночестве, а в окружении нескольких сотен людей. И рядом будет Бастианна. А, возможно, если тебе очень уж повезет, то и Рой д'Альби. Ну а в Канаде... В Канаде люди адмирала определяют какое-то более-менее подходящее местечко и прямо на берегу заложат город-порт; соорудят памятник королю Франциску Первому и обязательно построят собор, очень похожий на знаменитый Нотр-Дам де Пари...»

Увидев в столь поздний час девушку, офицер конной гвардии остановил своего коня и нагнулся, чтобы получше разглядеть ее.

– Не теряйте времени, мсье, вы и так слишком задержались, – решительным тоном охладила ее любопытство герцогиня. – Задержкой на службе это уже не объяснить.

– Возможно, мне стоит провести вас?..

– Герцогиня де Роберваль – тотчас же подсказал Клод.

– ...Герцогиня.

– Спасибо, мсье. Мне достаточно и одного рыцаря.

– Какая храбрость! – не удержался гвардеец.

К гостинице Маргрет вернулась к полуночи. Зайдя в трактир, она уплатила хозяину за то, чтобы он выпроводил двух засидевшихся выпивох, и заказала вина и мяса. Еще около часа они сидели вдвоем с Отставным Бомбардиром, как два закадычных друга, и Маргрет была уверена, что это и есть ее официальное прощание и с городком, и с Парижем, и с самой Францией.

Однако события последующих дней развивались совершенно не так, как ей представлялось.

Началось с того, что утром она непростительно долго для изгнанницы задержалась в постели.

Номер ее был обставлен в аристократическом стиле, со старинными вычурными светильниками, венецианскими креслами и мавританским туалетным столиком. Это был номер, достойный герцогини де Роберваль, дочери пэра Франции; и Маргрет вдруг окутала та великосветско-аристократическая нега, которая требовала от нее властности и своеволия, своеволия и властности. А широкая семейная кровать, с периной и горой подушек, была тем последним всплеском домашней роскоши, который следовало прожить так, чтобы прочувствовать и запомнить каждую минуту, каждое свое движение, каждый вздох. И когда вошедшая в номер Бастианна не то чтобы испуганно, а как-то слишком уж раздосадованно сообщила, что приехали люди адмирала де Роберваля, которые требуют, чтобы она немедленно поднималась и трогалась в путь, Маргрет не придавала этому известию никакого значения.

– Пошли-ка ты к черту адмирала, его людей и их эскадру, – настоятельно посоветовала она Бастианне. – И никому не позволяй тревожить меня.

– Но это не спальня в родовом замке, герцогиня, – как можно вежливее напомнила ей Неистовая Корсиканка, – а местечковый отель, и нам действительно пора в путь. Коль уж мы решили отправляться в Новый Свет с эскадрой адмирала.

– «Пора» будет тогда, когда решу я, – разнеженно объяснила ей Маргрет. Но в то же мгновение дверь отворилась, служанку грубо оттолкнули, и в номере возник какой-то верзила в синем плаще поверх панциря.

– Вам приказано вставать! – рявкнул он. – Нам пора двигаться. Эскадра не станет ждать, пока вы будете нежиться по заезжим дворам всех городков – от Парижа до Гавра!

– Вы кто такой?! По какому праву врываетесь в спальню дамы, в спальню герцогини?! – С холодным презрением поинтересовалась Маргрет.

– Я не врываюсь. Но мне приказано. Вы теряете слишком много времени...

– Я спросила, кто вы такой.

– Я – лейтенант Гарден. Вторая рота Вермского полка. Адмирал де Роберваль приказал встретить вас и доставить в порт Гавра.

– Так вот, лейтенант, я поднимусь, когда захочу, и тронусь в путь, когда у меня возникнет такое желание. А вы можете возвращаться к своему адмиралу и доложить, что вас попросили не беспокоиться.

– Извините, но...

– Извините, «госпожа герцогиня»... – поправила его Маргрет.

– ...Но мне приказано вернуться с вами.

– Когда вы понадобится, господин лейтенант, вас позовут.

– Но, черт возьми!..

– Бастианна.

– Да, госпожа герцогиня, – в демонстративном реверансе поклонилась гувернантка.

– Позови Отставного Бомбардира и его людей. И пусть они спустят этого наглеца с лестницы.

Буквально через минуту Клод и двое других возниц, вооруженные пистолетами и ножами, стояли у двери ее номера. Поняв всю опасность происходящего, лейтенант подозревал тех четверых солдат, что сопровождали его, но тогда вмешались и четверо стражников, сопровождавших Маргрет из Парижа. Возможно, они остались бы безучастными, но кто-то из солдат лейтенанта успел наглубить одному из стражников, и еще там, во дворе, у них чуть было не дошло до схватки.

У двери номера герцогини тоже, очевидно, разгорелась бы настоящая битва, но перепуганный хозяин отеля потребовал, чтобы все они, кроме Отставного Бомбардира, с которым он уже разнакомился, оставили второй этаж, а еще лучше – вообще убрались из его гостиницы. В противном случае он немедленно пошлет слугу за городской стражей.

Сообразив, что все здесь против него, Гарден приказал своим солдатам покинуть отель, но пригрозил, что, если через полчаса Маргрет не спустится вниз и не сядет в карету, он поднимется вновь и силой заставит ее подчиниться.

– Как вы смеете так обращаться с герцогиней де Роберваль, лейтенант?! – чопорно возмутился хозяин-англичанин. – Перед вами – дочь герцога, пэра, одна из высокороднейших леди Франции.

– Да, но доставить эту леди в порт мне приказал не менее высокородный господин, герцог, да к тому же ее родной дядя адмирал де Роберваль. Так что прикажете делать?

– Подчиняться требованием леди, – не задумываясь, ответил хозяин, как и должен был ответить истинный англичанин.

И далее упорствовать Маргрет не стала только потому, что не желала, чтобы это привело к конфликту между солдатами лейтенанта и ее слугами; не дошло до крови. Довольно быстро, с помощью служанки, совершив утренний туалет и одевшись, она спустилась в трактир и заказала завтрак себе и всем, кто сопровождал ее из Парижа.

Вместо того чтобы последовать ее примеру: сесть за стол самому и угостить своих солдат, лейтенант начал нервные переговоры с четверкой слуг герцогини, исполнявших роль стражников. Именем герцога де Роберваля, он потребовал, чтобы они немедленно оставили обоз и вернулись в замок, поскольку дальнейшую охрану герцогини он, лейтенант Гарден, берет на себя.

И саксонец, который был старшим среди стражников, подчинился этому приказу. Выпив по кружке вина и наспех перекусив, он и его солдаты извинились перед герцогиней, вскочили в седла и умчались. После этого лейтенант сразу же почувствовал себя хозяином положения. Он, конечно, рад был бы таким же образом избавиться от Клода и двух других извозчиков, но сие оказалось невозможным. Карету и повозки следовало вернуть назад, в замок де Робервалей, а вернуть их можно было только без вещей и провианта герцогини, и сделать это могли только люди герцога.

Если Маргрет и затынула этот испорченный лейтенантом завтрак, то лишь из принципа, из желания хоть как-то насолить Гардену и его покровителю-адмиралу. Но как только обоз тронулся в путь, она и в самом деле оказалась во власти своего краснорезного тюремщика. Только с его разрешения они могли останавливаться на привал, только он выбирал место и устанавливал время отдыха. Маргрет уже решила, что так и будет продолжаться до самого прибытия в Гавр, и даже попыталась смириться с участью «полuarестованной герцогини», как не без горести называла ее теперь Бастианна, но в последний день, когда до Гавра оставалось каких-нибудь двадцать миль, вдруг все решительно изменилось.

10

Маргрет казалось, что лейтенант вообще намерен был двигаться всю ночь, чтобы к утру быть в Гавре. Однако она и ее слуги резко воспротивились этому. Особенно досаждала ему Бастианна, которая позволяла себе говорить лейтенанту все, что ей вздумается, и тот попросту не знал, как вести себя с ней, поскольку высказывания ее были слишком уж едкими. К тому же она успела подружиться со всеми его солдатами, которые, очевидно, не подозревая об истинном ее возрасте, уже откровенно пытались заигрывать с ней.

Поняв, что без привала не обойтись, лейтенант приказал добраться до ближайшего селения и там заночевать. Но впереди был лес, и еще несколько часов тащиться ночью, по лесной дороге – такого желания у Маргрет не было.

На берегу озерца, мимо которого они проезжали, чернела бревенчатая сторожка. К ней-то Маргрет и приказала свернуть. Лейтенант попробовал было возразить, но тут возмутились все его солдаты. И Гардену пришлось сдаться.

Треугольником выстроив перед входом в это строение три крытые повозки и карету, Маргрет и Отставной Бомбардир, образовали идеальный походной лагерь, за «стенами» которого можно было противостоять любым налетчикам.

Когда все еще возмущавшийся лейтенант увидел, насколько уютным стало выглядеть пристанище между озерцом и родником и какой черной стеной представал оставшийся непройденным лес, он покаянно смирился, благоразумно забрался на устланный прошлогодним сеном чердак строжки и буквально через несколько минут громогласно захрапел.

– Теперь нам нужно развести костер и приготовить еду. Так ведь? – обратилась Маргрет к Отставному Бомбардиру.

– Не ваша это забота, герцогиня. Это дело слуг. Сейчас мы все сделаем.

– Нет, Бомбардир, на сей раз костер я буду разводить сама. И пищу готовить тоже

- Вы?! – хохотнул солдат.
- А ты научишь, как это правильно делать.
- Но зачем вам это?
- Ты что забыл, куда направляется эскадра?

Отставной Бомбардир поскреб ногтями щеку, внимательно посмотрел на крепкие, но аристократически «непорочные» руки герцогини и согласился:

- В общем-то... да.
- Тогда с чего начнем?

– С выбора места. Откуда ветер? Со стороны озера? Значит, костер надо закладывать вон на той возвышенности, чтобы дым не шел на лагерь. А вообще-то, для безопасности, костер всегда разводят в середине лагеря. Тогда, выставив охрану, можно всю ночь просидеть возле него, не опасаясь внезапного нападения.

- Считайте, что первый урок усвоила.
- Теперь надо срубить две рогатинки. А найти их попытаемся вон в этой рощице.

Уже начало основательно темнеть, когда они нашли подходящие ветки, и Маргрет собственноручно срубила их небольшим походным топориком. Затем сама же срубила и поперечину.

– Мы захватим их с собой, на корабль, – молвила она, почувствовав, что рубка отняла у нее немало сил, заставив натереть и поцарапать руки.

– Зачем?

– Как «зачем»? Неужели ты думаешь, что я стану рубить рогатины и поперечину на каждом привале?

– Но для этого существуют слуги и просто мужчины. Вы ведь не собираетесь в этой вашей Новой Франции жить отшельницей?

– В общем-то, нет. Хотя... как знать. В любом случае рогатины я все же прихвачу. Первые срубленные мною. Как воспоминание о Франции.

– Как воспоминание – да. На чужбине, – как говаривал один священник, из славян, – и осиновый кол священным кажется.

Предоставив Клоду возможность отнести рогатины к костровищу, Маргрет поднялась на возвышенность, где сержант из охраны устроил наблюдательный пункт и куда, как она заметила, направилась Бастианна.

То ли она поднималась слишком бесшумно, то ли сержант и корсиканка слишком увлеклись своим весельем, но только случилось так, что она наткнулась на них, когда те вовсю занимались плотской любовью.

– Ты с ума сошла, Бастианна! – только и могла произнести Маргрет, растерянно пятясь назад.

– Это не я, это плоть моя сошла с ума, – все еще лежа и, кажется, ничуть не смутившись, томно ответила Бастианна, цепко удерживая поднявшегося на колени сержанта от попытки отвлечься от страстной игры тел и воображений. – И, если хочешь знать, мне и в молодости никогда не было так хорошо, как сейчас.

Осуждающе покачав головой, Маргрет вдруг рассмеялась и побежала вниз. Случись это раньше, она, конечно же, отреагировала бы резче, изумилась бы такой вольности нравов, возмутилась. Но ей вспомнился первый их с Роем вечер тайного обручения. Маргрет так и не поняла, то ли кучер сам догадался оставить их в карете вдвоем, то ли д'Альби заранее договорился с ним. Но только то, что раньше обычно заканчивалось страстными объятиями и поцелуями, на сей раз нашло свое продолжение. Множество раз Маргрет фантазировала по поводу того, где и как это произойдет, кто будет этим ее «первым мужчиной», и что она при этом будет чувствовать. Но какая гадалка способна была нагадать, что случится это в старой извозной карете, на засаленном сиденьи, на пустыре за часовенкой, в которой их будут тайно обрывать?

Конечно, она почувствовала себя слегка разочарованной: то, что с ней происходило во время бурной встречи с ее «первым мужчиной» мало соответствовало тому, как она себе это представляла, и уж совершенно не соответствовало тому, о чем она мечтала в своих грезах. А ведь были еще и романтические иллюзии, навеянные чтением куртуазных романов, беседами со сверстниками и флиртом, подслушанными из бесед женщин опытных и много повидавших...

Впрочем, немного поостыв от страстей, мечтательности и разочарований, герцогиня принялась оправдывать и свою несдержанность и его, Роя д'Алби, неумелость. Прежде всего, ясно, что они оба были слишком возбуждены и слишком неопытны. К тому же в последнее мгновение, когда Рой оголил ее, Маргрет инстинктивно начала сопротивляться, страшно опасаясь, как бы эта их горячность не завершилась беременностью еще до того, как они обвенчаются. Потом, правда, Рой пытался успокаивать ее, что между ними ничего такого, собственно, не произошло. То есть, вроде бы, кое-что все же произошло, но как бы не совсем по-настоящему, а потому бояться ей нечего.

Сама же разобраться в этом герцогиня не могла. Растерянная и подавленная натиском мужчины, Маргрет вообще с трудом воспринимала и ласки его, и слова, и все то, что там происходило. В частности, толком и не поняла: так все-таки состоялось ли там то самое тайное, что может быть между мужчиной и женщиной, или все же не состоялось?

Она верила своему «величайшему из врачей», но в то же время пыталась верить и самой себе. Может, все происходило не так, не настолько «хмельно», как должно случаться в первую брачную ночь, но все-таки что-то же происходило! Несмотря на то, что страсть ее после этого натиска совершенно не угасла, что она не ощущала никакого удовлетворения, а желание познать мужчину возрождалось в ней все последующие ночи с новой, неумолимой силой, заставляя бредить своим возлюбленным, стремиться к нему, его телу, его силе...

...Кустарник был рядом, а потому слуги и солдаты довольно быстро успели насобирать кучу хвороста и принести два котелка с водой, однако право разжечь костер Маргрет все же оставила за собой. Внемля советам Отставного Бомбардира и двух других слуг, она училась мастерить из тонких сухих прутьев и нарезанных ножом щепочек некое подобие шалашика; постигала премудрости трута и кресала. Однако все эти страсти по первобытному человеку не мешали ей замечать то, чего замечать ей сейчас просто не стоило. А посему она видела, что сержант пришел один, без корсиканки, и что, пошептавшись с ним, двое его солдат поспешили к дозорному холму. Со временем туда же заторопился еще один солдат.

Когда основательно «вздремнувший» лейтенант спустился со своего сеновала, любвеобильная корсиканка наконец-то появилась. Шла она неуверенно и как-то слишком уж хмельно пошатываясь. Не сообразив, что тут происходило без него и решив, что служанка слегка подвыпила, лейтенант прошелся руками по ее груди, но, ко всеобщему удовольствию, корсиканка отвесила ему такую тяжелую мужскую пощечину, что грузный лейтенант отшатнулся и сгоряча чуть было не схватился за шпагу.

– Время любви кончилось, лейтенант! – Это говорю вам я, неистовая корсиканка и дочь пирата! – Настало время раскаяний и воспоминаний. И поверьте мне на слово, что в океане сотни мужчин будут молиться на эту слегка поувядшую, но все еще любовно поющую, грудь, как на неувядающий плод райского сада.

– Еще бы, – хмыкнул кто-то из недавних пользователей этой груди, однако Бастианна простила ему эту некорректность.

Величественно пройдя мимо опешившей Маргрет, она по очереди приблизилась к каждому из слуг, включая и Клода, чопорно чмокая их кого в лоб, кого в щеку.

– Это я к тому, – объявила она, – чтобы вы вспоминали старую, щедрую и мудрую Бастианну. Ибо кто из вас ни любил меня, и кого ни любила я, ненасытная, похотливая, но совер-

шенно безгрешная?! Что вы здесь – на этом пепелище греха, делаете, Маргрет? – обратилась к своей хозяйке, пытавшейся прутиком подзадорить несмелое пламя.

– Развожу костер, как видите, леди... – съязвила герцогиня.

Бастианна не наигранно, а совершенно искренне расхохоталась. Кто-то из мужчин, очевидно, и в самом деле дал ей отхлебнуть из своей потайной солдатской фляги.

– Костер, в котором сгорают эти презренные сучья, должны разводить сучьи дети – мужчины. Женщинам же следует разводить костер, в котором, как сучья, должны сгорать сами эти презренные сучьи дети.

– Что-то незаметно, чтобы они сгорели, – вполголоса проворчала Маргрет, давая понять, что не одобряет ее загула. – Сгорела все же, кажется, ты.

– Это только так кажется. Я впитала их дух, их плоть, их силу. И теперь никакой океан меня не страшит. Так что не то «пламя» вы раздуваете, герцогиня, не то! Кстати, – взяла она Маргрет под руку, чтобы отвести в сторонку. – Твой возлюбленный вряд ли окажется на одном судне с тобой. А матросам доверять нельзя. Как говаривал мой батюшка, – чтоб ему легко виселось на рее, – относительно женщин на всех кораблях действует закон пиратов: «Или всем, или никому!». И учти, что мужчины хвастливы. Ослабнешь перед одним, остальные нападут и растерзают. И даже твой свирепый адмирал не спасет тебя, ибо его тоже... растерзают.

– Ты о чем это, Бастианна?

– О чем, о чем?! Сама видела... о чем! С лейтенантом ты, конечно, не должна из вредности: пусть знает, как гасить костры, не разжигая их. А вот Клод... Как по мне, так это вполне приличный парень: рослый, крепкий, а главное, выносливый. Сама трижды в этом убеждалась.

– Ты?! И с ним... тоже?

– Если будешь так пялить глаза, изображая удивление, я проболтаюсь относительно того, сколько раз домогался меня твой родной батюшка.

– Сейчас же замолчи! – Не то чтобы зло, а как бы игриво попыталась прервать ее Маргрет, однако корсиканская пиратка и не думала уgomониться. Что-то на нее сегодня нашло, она явно была в ударе.

– А знаешь, как я попала к вам в служанки? Я, корсиканка? Благодаря твоему дядюшке – адмиралу. Только тогда он был всего лишь лейтенантом королевского флота. Корабль, команда которого захватила нас, целый табун корсиканских девушек, был потоплен каким-то другим испанским кораблем. И спасти испанцам удалось лишь шестерых корсиканок, одной из которых была и я. Что они там вытворяли с нами, эти проклятые испашки, никакими страшносудными рассказами не передать, хотя вспомнить иногда приятно. Не понимаю тех девиц, одна из которых там же, на судне, спятила, хотя и было от чего, а две бросились за борт. Вместо того чтобы заставить броситься за борт мужчин.

– Так они, эти испашки, что, оказались страшнее пиратов? – не удержалась Маргрет.

– Почему страшнее?! – не поняла или же не пожелала понять ее Бастианна. – Симпатичнее и пылче. Но только их было около сотни, а нас всего шестеро. И потом, пираты щадили нас, поскольку надеялись выгодно продать в гаремы мавров. А испанцам щадить не было смысла. Правда, уже через неделю на этот корабль напали два корабля французов, на одном из которых оказался лейтенант де Роберваль. Да-да, ваш достопочтимый дядюшка. Я тогда сразу же обратила внимание на то, с каким почтением относилась к нему вся команда, в том числе и капитан. Как оказалось, он один среди них был из высокородных аристократов. На военных кораблях это ценится. И хотя я оказалось старше него, он сразу же заметил меня и сначала присвоил, а потом, как говорят, выкупил у всей остальной команды.

– Господи, неужели все так и было?! Мне-то и в голову не приходило связывать твое появление у нас с адмиралом де Робервалем.

– Ну, как там было на самом деле, об этом я уже тебе рассказывать не могу. Ибо рассказывать такое не могу даже я. Но любовником он был пылким, хотя и свирепым. Я боялась его

больше, чем всей команды пиратского корабля, где по каждому, заметь, тосковала виселица и где каждый был просто-таки отпетым головорезом.

– И долго это продолжалось?

– У них на судне?

– Ну да.

– К сожалению, недолго.

– К сожалению?!

– Ну что ты цепляешься к словам?

– Ладно, не буду. Значит, это длилось недолго?

– Это ведь не пираты. На военных кораблях долго содержать девиц, пусть даже в виде трофея, не положено. По прибытии в порт капитан, по настоянию команды, еще несколько дней скрывал, кто у него на борту. Но в конце концов вынужден был расстаться с нами. Что случилось с остальными корсиканками – не знаю. А вот меня лейтенант де Роберваль переправил в виде рождественского подарка в Париж, своему братцу. Но не в замок. Какое-то время я жила в одной из городских квартир твоего отца. Как я понимаю, тайно. С твоей матерью он познакомил меня лишь тогда, когда на свет появился твой старший брат, царство ему небесное, и понадобилась няня. До этого герцогине Алессандре беременеть почему-то не случалось.

– И тогда герцогиня обо всем узнала?

– Ну что ты?! О нашем давнем знакомстве Николя приказал молчать. Кое о чем догадывалась – это да.

– Почему же никогда раньше ты не была со мной столь откровенной?! – поразила Маргрет.

– Откровение требует свободы. А свобода – откровенности. У нас с тобой было всего-навсего три дня, из всей нашей жизни, когда мы могли позволить себе и свободу, и откровенность.

С минуту они молчали, как бы привыкая к своему новому состоянию – свободы и откровенности.

– Расскажи мне немного о себе – попросила Маргрет. – А то ведь, кроме того, что твой отец был пиратом, я ничего больше не знаю. У тебя что, все в роду были пиратами?

– Нет, почему же... Мой прапрадед, говорят, был довольно богатым дворянином. Но ему, видите ли, захотелось приключений. Он стал пиратом и погиб во время поножовщины. Мой прадед был уже бедным дворянином, но упорно цеплялся за отцовское ремесло и погиб на виселице. Мой дед был капитаном пиратского корабля и умер от лихорадки. Но до конца дней своих он помнил, что предки его были дворянами, и гордился этим. А вот мой отец уже даже не вспоминал о том, что предки его были дворянами, зато всегда помнил, что они были пиратами, и оч-чень этим гордился. Я же старалась не вспоминать ни о том, что предки мои и по отцовской, и по материнской линии были дворянами, такими же, как твой шевалье Рой д'Альби; ни о том, что они же, по отцовской и по материнской линии были пиратами. Да и зачем мне было помнить все это? Все равно ведь к прежнему достоинству вернуться я уже не могла. Ни к одному, ни к другому. А вот что касается того, что я – женщина, об этом я никогда не забывала. И не позволяла забывать ни одному мужчине из своего окружения.

– Но ведь когда-то ты была замужем?

– Была, конечно, – хитровато ухмыльнулась Бастианна. – Целую неделю.

– Всего лишь?!

– Почему «всего лишь»? Я ведь сказала: «Целую».

– И кем был твой муж?

– Понятно, кем – пиратом.

– И где он теперь?

– Понятно где – как всякий пират, он родился в море и в море погиб. И сын у меня тоже был, с матерью моей остался. А может, и есть, если только не погиб в одном из абордажных боев. Замуж меня взяли, когда мне еще не исполнилось даже пятнадцати. Впрочем, на Корсике это не редкость.

Теперь уже пылало два костра. На одном из них готовили себе еду солдаты, на другом – слуги во главе с Клодом.

Луна заливала берег и часть озера серебристым сиянием, под сенью которого все казалось эфирным, бестелесным, преисполненным ночных тайн и навеянным ночными духами.

– Как думаешь, Бастианна, там, в Канаде, такая же земля, как и здесь?

– Если это земля, она должна быть такой же, как везде. И люди такими же: добрыми, злыми, алчными и похотливыми. Но какой бы она ни была, все равно тянуть нас будет сюда, во Францию. На землю предков, землю юности, землю наших «первых мужчин». Особенно вас, герцогиня.

Маргрет ничего не ответила, повернулась и хотела уйти к костру, но корсиканка бесцеремонно придержала ее за рукав плаща-накидки.

– Я тихонько отзываю Клода. Не волнуйся, предупрежу, чтобы был осторожен, не забывая, что он тебе не муж, а всего лишь любовник на час. Но парень он порядочный и в деле этом сведущий, не то что твой медикус.

– Да что ты знаешь про моего медикуса?!

– Все, что мне положено знать. Хотя бы то, что после всех своих страстей ты как девственницей была, так и осталась. Если бы ты с этим райским недоразумением рассталась, я бы по одежде заметила, такое не скроешь.

– Но...

– Да сам он и признался, куда ему было деться? Когда тайно приходил, а я ему записку передавала. Я его так прямо и спросила. Так он ведь не только с девушкой обращаться, он и врать-то по-человечески не умеет. Чему их только учат, медикусов этих, по их университетам?!

– Неужели признался?

– Еще бы!

– Но как ты осмелилась говорить с ним о таком?

– О чем же с ним еще говорить? Проще, конечно, было бы вообще ничего не говорить, а попросту завалить где-нибудь на сеновале... Не волнуйся, для твоей же пользы.

– Ну, Бастианна, тебя и впрямь следовало бы вздернуть на рее, как самого отпетого пирата.

– А что, впереди – океан. Может, еще и вздернут, – вновь игриво и совершенно нехстати подбоченилась корсиканка. Опынение и усталость, с которыми она вернулась со сторожевого холма, уже проходили, и Бастианна вновь готова была морочить голову всем подряд. – Послушай меня, старую интриганку. Теперь тебе придется жить самой, вне стен замка, в дикой стране, среди сотен одичавших мужчин, перед которыми следует представлять знающей что к чему, а главное... когда и как. Иначе погубят они тебя, растерзают, исполосуют; родами, выкидывая в могилу загонят, как загнали уже не одну высокородную.

– Но ведь Рой... Я обещала принадлежать только ему.

– Вы, герцогиня де Роберваль... обещали кому-то там принадлежать?! Это не вы, Маргрет, это вам должны принадлежать – и медикус ваш, и эти солдаты, и их генералы, а еще – Париж, Рим, обе – Старая и Новая Франции... Боже, кого же я столько лет, как дворянка дворянку, воспитывала?!

– Что-то я тебя не пойму, – помассировала виски Маргрет. – Неужели ты не осознаешь, что вводишь меня в блуд? Не могу же я, как ты, в один вечер переспать с целым взводом королевской гвардии...

– Ну, во-первых, это не гвардейцы, – помахала рукой Бастианна, – прошу не путать. А вторых, кто из нас, женщин, знает истинную цену себе? Рота, полк... С вечера о таком обычно не говорят, но под утро-то еще и не такое замаливают.

Маргрет тяжело вздохнула и покачала головой. Перед ней была совершенно не та гувернантка, которую она знала там, в замке. И как могло случиться, что в гувернантки ей определили именно эту корсиканскую пиратку – этого она понять не могла.

– И все же ни Клода, ни кого бы то ни было другого звать не надо, – предупредила она Бастианну.

– Опрометчивое решение, – по-своему истолковала ее решение корсиканка.

* * *

Маргрет засыпала у себя, на заднем сиденьи кареты, когда корсиканка выскользнула из их пристанища и исчезла в сумраке ночи. Луна к этому времени спряталась за тучи, костры погасли, даже цикады – и те приумолкли, словно бы прислушиваясь к медленно приближающемуся рассвету.

«Опять пошла соблазнять воинство адмирала!» – ухмыльнулась про себя герцогиня, чувствуя, что уже не осуждает корсиканку; после всего того, что услышала сегодня от нее и о ней, – не осуждает. И вообще, оказывается, жизнь совершенно не такая, каковой она представлялась ей, окруженной нянями, слугами и учителями, затворнице герцогского замка. Она, эта самая жизнь, значительно грубее, низменнее и в то же время проще. Маргрет вдруг открыла для себя, что великое множество людей живет по совершенно иным, каким-то своим законам, принципам и традициям, которые мало согласуются с той моралью, которую ей проповедовали, которую ей прививали и которую пытались возводить в ее сознании в некий абсолютизм. Это был тот самый мир взрослых людей – жестокий и циничный, который ей еще только предстояло постигать.

Маргрет снился луг, открывшийся из окна ее комнаты, и корабль – такой, каким она видела его когда-то проплывающим по Сене; только этот, во сне, представал со сломанными мачтами и порванными парусами. Сломанные мачты и порванные паруса что-то там, конечно же, символизировали, очевидно, нечто тревожное, трагическое. Но вот что именно – этого она ни во сне, ни уже потом, наяву, понять так и не смогла.

А еще ей снилась стая огромных черных птиц, молча проносящихся над ней... теперь уже почему-то погибельно привязанной к одной из мачт!

И это видение тоже, несомненно, было вещим и страшным, ибо то и другое она каким-то образом осознала еще во сне, и уже там, во сне, пыталась разгадать смысл происходящего. Вот только это ей никак не удавалось.

А просыпаться Маргрет начала оттого, что чья-то рука, возможно, Роя д'Альби, коснулась ее лодыжки и медленно поползла вверх, согревая и взбадривая своим теплом, возбуждая интимной нежностью, вторгаясь туда, куда даже рука возлюбленного вторгаться вообще-то не должна бы...

Еще во сне, перехватив эту руку, Маргрет на какое-то мгновение задержала ее, приподнялась, рванулась вверх по спинке сиденья, и только тогда, окончательно прозрев ото сна, ощутила возле себя и где-то над собой запах мужского тела, человеческого и лошадиного пота, запах выделанной кожи, несвежей одежды и еще чего-то такого, что напоминало ей только одного мужчину – Клода-Бомбардира, могучего, русоволосого нормандца, которого еще недавно она откровенно побаивалась, но в которого в то же время тайно, по-девичьи, была влюблена. И если бы она была настолько откровенной с собой, как это умеет и позволяет себе Бастианна, то призналась бы, по крайней мере самой себе, что первым мужчиной, которого она в своих девичьих грезах возжелала, и первым мужчиной, который вызвал у нее страстное

влечение – был именно он, этот некогда лучший бомбардир полка, которого между собой они так и называли Отставным Бомбардиром.

– Не сопротивляйтесь, Маргрет, – почти шепотом и почти умоляюще попросил он. – Предоставьте все мне, я сам... Только не сопротивляйтесь.

И опять эта рука, только еще более напористая и бесстыжая...

– Прекратите же это свое рукоблудие, Клод! – задохнулась она, вскрикнув от неожиданности и от нахлынувшего на нее чувства сексуальной страсти. – Как вы можете?! Кто вам позволил?! Сейчас же уйдите. Где Бастианна?

– В озере.

– Что?

– И солдаты, и слуги... Все в озере. Теплая, душная ночь, теплая вода... Корсиканка, как ведьма, соблазнила их и повела в камыши, в воду.

Только теперь до слуха Маргрет начали доноситься возбужденные возгласы, визг корсиканки и ее колкие замечания, которыми она то ли отбивалась от наседавших на нее мужчин, то ли, наоборот, завлекала, разжигая свой очередной «костер», в котором должны были стогреть такие опостылые и в то же время такие сладострастные мужчины.

– Они не придут... – шептал Клод-Бомбардир, свободной рукой обхватив ее за талию и стаскивая вниз и в сторону, на сиденье. – Бастианна не пустит их сюда...

– Так она знает, что вы?!

– Конечно, конечно. Она-то и попросила меня...

– Проклятая сводня! Значит, вы с ней сговорились? – уже совершенно упавшим голосом спросила Маргрет. И Клод понял: слуг и солдат звать на помощь она не станет.

– Просто, она знает, что вы увлечены мною.

– Я – вами?!

– И что я точно так же безумно влюблен в вас, хотя, конечно же, и мечтать не смел о том, чтобы...

– А вы и не должны сметь. За одну эту попытку вас должны вздернуть на мачте... Или прямо здесь, на ближайшем дереве.

– Вы правы. Именно так они и поступят, если только узнают об этом от вас, – признал Отставной Бомбардир.

Маргрет сразу же ощутила, что хватка его ослабла, руки поникли, и вообще, все тело мужчины, доселе напряженное и страстное, как-то странно увяло.

Это успокоило герцогиню, придало уверенности ее словам и движениям. Отстранив обе его руки, она в то же время не отшвырнула их и даже не изменила позы. При свете пробивавшегося из-за тучи лунного сияния она видела тускло освещенные колени свои и непростительно оголенное левое бедро, платье на котором хотела тотчас же поправить, но... замерла:

– Маргрет! Госпожа герцогиня! – окликал ее лейтенант Гарден. – Где вы?

– Ответьте, – едва слышно прошептал Отставной Бомбардир. – Немедленно ответьте.

– Я здесь! – ей и самой голос показался слишком слабым и неуверенным, поэтому, опасаясь, как бы лейтенант не застал их обоих во время столь странного свидания, уже увереннее и резче повторила: – Я здесь, в карете! И не смейте приближаться ко мне, иначе я подниму слуг!

– Можете звать, но знайте, что они развлекаются с вашей служанкой. Как, впрочем, и мои «бессмертные». – Произнося это, лейтенант все приближался и приближался к карете, и это приводило Маргрет в ужас и ярость.

– Я сказала вам: не смейте подходить! Только посмейте притронуться к дверце, буду стрелять!

– Это вы уж слишком, герцогиня! – замешкался лейтенант буквально в трех шагах от кареты. – Мне и в голову не приходило... Всего лишь предосторожность. Я ведь купался вместе со всеми. А мой часовой... Словом, обычные меры предосторожности.

- Меня это не интересует! Ни ваши меры предосторожности, ни все вы.
- Почему бы вам не присоединиться к купающимся?
- Вы грубиян, лейтенант!
- Нет, я имел в виду, что вы будете поодаль от вашей знойной корсиканки и моих солдат.

Под моим поручительством.

– Я сплю, лейтенант. Дайте мне возможность отдохнуть. Все ваши глупости выскажете завтра моему дяде, адмиралу де Робервалю.

– Черт, – простодушно признал лейтенант, – я совсем забыл, что вы не только дочь пэра де Роберваля, но и племянница адмирала де Роберваля, которого в эскадре побаиваются, как дьявола. – Простодушно рассуждал Гарден. – Приношу свои извинения, мадемуазель. Будем считать, что ничего не происходило. Если что – зовите. Спокойной ночи, госпожа герцогиня.

– Спо-кой-ной но-чи... – отчеканила Маргрет, давая понять, что это последние слова, которыми она удостоила какого-то там лейтенантишку.

Отдернув занавеску, Клод проследил, как лейтенант еще с минутку постоял у входа в сторожку, полусонно потянулся и исчез в черном проеме двери.

– По вашей милости, – прошептала Маргрет, – я чуть было не оказалась в очень глупом положении.

– Вот уж действительно... Откуда только взялся этот чертов лейтенант?!

– Тихонько выбирайтесь через левую дверцу и уходите.

Из груди Клода вырвалось что-то похожее на предсмертный стон обреченного. Без всякого стыда, скорее сочувственно, Маргрет проследила, как рука мужчины вновь скользнула по ее оголенному бедру вверх. Она чувствовала, как эта рука дрожит, и как все тело мужчины пронзила дрожь напряжения. Она почти физически осязала то, как страстно желает ее Клод, еще острее и яростнее, нежели сама она желает этого мужчину. Но что-то очень важное в этом его натиске, в этом тайном свидании, в котором ни он, ни тем более она, Маргрет, уже не способны были разжечь костер любви, было утеряно.

– Но вас же двое, вы что, с ума сошли?! – донесся от озерца хохот неунывающей, жизнелюбивой корсиканки, правнучки всех корсиканских пиратов. – Я же одна, вы меня растерзаете. Хвалите Господа, что я здесь, а потому вода в озере, как в котле. Что вы все льнете ко мне?!

Уже приоткрыв дверцу, Клод вдруг подался к девушке и по-детски уткнулся лицом в ее грудь. И на сей раз Маргрет не отторгла его – замерла, затаила дыхание, прониклась каким-то женственно-материнским сладострастием.

– Может, еще увидимся, Клод. Когда-нибудь увидимся, – шептала она. – Я стану взрослее и мудрее, как Бастианна, и тогда все у нас будет по-другому. Как когда-то было у вас с Бастианной.

Услышав это, «как когда-то было у вас с Бастианной», Клод вполголоса прорычал, потерялся о ее грудь и буквально вывалился из кареты.

– Остудитесь в озере, Клод, – без какого-либо ехидства, посоветовала Маргрет. – Вам это позволительно. Только не подходите слишком близко к этой сводне – корсиканке. Она способна заморочить голову кому угодно. Даже нам с вами.

Прорывав что-то в ответ, Отставной Бомбардир пробрался между каретой и повозкой и, выкрикивая на ходу нечто грозное и невнятное, понесся к озеру.

Маргрет выглянула из кареты, уловила взором очертания его фигуры и по-доброму позавидовала: как бы ей хотелось оказаться сейчас в водах озера. Пришла бы эта знойная мерзавка Бастианна да завлекла.

11

– «В море ценится только слово моряка, – повторил Рой д'Альби, оказавшись вне таверны «Викинг», – и никакое иное! Что ж, спасибо за науку... приятель».

Несмотря на то, что беседа с Дювалем закончилась его, Роя, изгнанием из таверны, кое-какую информацию он все же сумел получить. Эскадра идет то ли в Африку, то ли к берегам Америки. Она прекрасно вооружена и снабжена, финансирует ее, вроде бы, сам король. Словом, все выглядит неплохо.

Единственное, что смущало и сдерживало д'Альби, так это то, что командует эскадрой адмирал из рода Робервалей, который, конечно же, наслышан о скандале в семействе его брата, Николая де Роберваля.

«И если он узнает, что на борту одного из его кораблей оказался тот самый шевалье д'Альби... – подумал студент, – рея с канатной петлей покажется мне спасением».

И все же шевалье направился к отелю «Самаритянин». Деваться уже было некуда. Все деньги, которые он сумел выпросить у отца, пошли на дорогу до Гавра и на то, чтобы нанять комнатуху в одном из его предместий. С теми, что остались, он продержится еще два-три дня. Что дальше? Разве что приобщиться к какой-нибудь из шаяк грабителей? Поэтому надо было рискнуть. Еще раз попытаться наняться на один из кораблей эскадры, независимо от того, куда она уходит. Подзаработает денег, вернется в Париж, отучится еще один год в университете... И, кто знает, может, после этого он станет лекарем королевского флота, или, как некогда его отец, полковым хирургом.

Рой уже настроился на трудный разговор с лейтенантом Жанелем, обдумывая, как бы на сей раз все же убедить его. Но в вестибюле отеля, за отдельной конторкой, которую, как ему сказали, используют почти все вербовщики матросов, сидел какой-то другой, незнакомый ему человек.

– А... где лейтенант Жанель? – робко поинтересовался д'Альби.

– Тебе ведь, бродяга, нужен корабль, а не лейтенант Жанель, – хрипловатым, kloкочущим каким-то голосом прохрипел коренастый моряк, с кровавым левым глазом и полуотсеченным, зависшим левым ухом.

– Именно так, господин...

– Плесси. Впрочем, фамилию мою вспоминают, только когда записывают в команду или объявляют наказание. Еще когда я рыбачил, кто-то прозвал меня Кашалотом. Это-то благословенное прозвище и осталось на мне, как родимое пятно на дьяволе. Но во все века, причем даже после большой пьянки, боцмана называют просто... боцманом. И боже тебя упаси, вкунуть при этом «господин».

– Как поведите, боцман. Я хотел бы наняться на корабль, – уже несколько смелее повел свою речь д'Альби. – Но штурман Дюваль сказал, что здесь сидит лейтенант Жанель, только поэтому...

– Дюваль, – проклокотал Кашалот. – Мы с ним три года проходили на одном судне. И молния мне в глотку, если на всем северном побережье Франции найдется еще хоть один такой заядлый драчун и такой отличный штурман. Не было дня, когда бы он не затеял потасовки, и не было такой таверны, стены которой не содрогались бы от тел, которые расшвыривал вокруг себя Дюваль. Если бы он знал, что я подменил лейтенанта Жанеля, который пошел попрощаться с семьей, он, конечно же, прислал бы тебя, палубный, ко мне.

– Считайте, что именно к вам он меня и послал. Господин Дюваль просит, чтобы...

– Дюваль не просит. Дюваль дает дельный совет: записать тебя в команду. Но ты, конечно же, захочешь попасть на «Короля Франциска», чтобы оказаться поближе к адмиралу, а значит, и поближе к эскадренной кассе.

– На любой из кораблей.

– На любой?

– Да.

– Тогда поступай на «Нормандию». Подойди поближе, палубный. Согни руку, удиви мышцами... А что, ничего... – словно клешнями прошелся по мышцам, по кисти рук. – Вполне подойдешь. Знаешь, чем «Нормандия» отличается от всех остальных кораблей?

– Нет, боцман.

– Тем счастливым обстоятельством, что боцманом там я. Поэтому там всегда будет такой порядок, что мертвые на дне океана содрогнутся.

– Порядок – да... – промямлил Рой. – Мне это подходит. Меня зовут Жан Сориак. Я – из Парижа. Мой отец служил в аптеке, сам я был извозчиком. Но всегда мечтал стать моряком.

– Так ты что, ни разу не выходил в море?!

– Честно говоря...

– Что значит «честно говоря»? – подергал себя за изрубленное ухо Кашалот. – Со мной все и всегда говорят только честно или же навсегда умолкают.

– Но ведь все же когда-то выходили в море впервые, так ведь? – почти взмолился Рой, чувствуя, что удача вновь изменяет ему. – Дайте же и мне такую возможность.

– Когда-то, да, все впервые. Но только не на эскадре адмирала де Роберваля, которой придется идти туда, куда ни один порядочный кашалот от берегов Франции никогда не доходил. «Впервые» обычно выходят на рыбацких шаландах да купеческих барках, курсирующих между Гавром и Дюнкерком, не отходя дальше двух миль от спасительного берега. Так что мне теперь делать с тобой, палубный?

– Записать на «Нормандию», – вдруг нашла на д'Альби рискованная отвага – боцман которой – лучший боцман королевского флота.

– Ну и наглец же ты! – грохнул кулаком по лежащему перед ним пергаменту боцман, а немного поколебавшись, грохнул еще раз: – Ладно, запишу. Но только потому, что на «Нормандии» ты будешь под присмотром. К тому же приставлю тебя к опытному матросу. Однако помни: струсил, взбираясь на мачту, или волком взвоешь во время шторма – пеняй на себя. Ополаскивать штаны придется, протягивая под килем. Вот так-то, тля трюмная! Как тебя, говоришь?..

– Жак Сориак. Двадцать три года. Из Парижа.

– Можешь считать, Жак Парижанин, что тебе повезло. Оставь-ка здесь вот отпечаток пальца и получай свои золотые в виде аванса. Один можешь пропить, другой оставь. Сохрани до конца плавания. Как талисман. Такова морская традиция, Жак Парижанин. А еще передай Дювалю, что твое крещение парусами обойдется ему в две пинты хорошего рома.

– Так и передам, боцман, – увековечивал «новокрещенный» Жак свой найм оттиском большого пальца. – Кстати, почему Дюваль до сих пор не записан ни на один из кораблей?

Боцман удивленно взглянул на Жака Парижанина и, откинувшись на высокую треноподобную спинку дубового стула, мрачно подергал себя за огрызок уха.

– Дюваль... – проклокотал он. – Дюваль – это тебе не какая-то тля трюмная, это штурман.

– Но и вы ведь тоже неплохой боцман.

– Ты прав, Парижанин, я хороший боцман. И все же найти хорошего боцмана значительно легче, нежели даже плоховатого штурмана. Особенно для такого трудного плавания. Может быть, меня это слегка и задевает, но море требует справедливости.

– Море требует справедливости, – эхом отозвался Рой д'Альби, восхищаясь мудростью сказанного, которое, как он почувствовал, навсегда останется в его памяти и его душе. – «Море требует справедливости. Как просто, а значит, священо».

– Так вот, справедливость моря говорит мне, старой тле трюмной, что Дюваль – не просто штурман, он – великий штурман. Он – из той касты штурманов, которые ценятся во все

века, на всех морях и во всех портах мира. И это я, боцман Кашалот, могу прийти на поклон к вербовщику матросов. Это я, когда якорь воткнется мне в одно место, могу согласиться выйти в море не боцманом, а старшим палубным матросом или бомбардиром. Но только не Дюваль. Нет, Дюваль, конечно же, спит и видит себя штурманом одного из кораблей адмирала. Но скорее он превратится в портового нищего, чем снизойдет до того, чтобы напрашиваться на эту должность. Все, кому нужен хороший штурман, понимают, что в Гавре есть только один настоящему хороший штурман, прекрасно знающий нрав Великого Океана, – это Дюваль. И так же хорошо понимают, что Дюваль не терпит мелкого каботажа, то есть он не будет мельтешить на суденышке вдоль берегов Франции, от порта к порту, где любой сведущий капитан спокойно может обойтись и без штурмана. И еще Дюваль не может долго ходить на одном судне и одним курсом. Это истинный странник морей. Он тяготится всем, что уже пройдено им, что ему известно. Если мы тоскуем по знакомым берегам, то он наоборот, тоскует по берегам, на которые еще никогда не ступал. На которые вообще не ступала нога француза, нога белого человека; по берегам, которые никогда не слышали молитвы.

– Спасибо, боцман, мне очень важно было знать, кто таков Дюваль на самом деле. С ним и с вами я готов идти к любой земле, которая до сих пор не слышала молитв. И, сжав в кулаке золотые монеты, Жак Парижанин ликующе потряс ими в воздухе. «Знала бы Маргрет, как бешено мне повезло!»

– Да, адмирал и в самом деле обещает хорошо заплатить из корабельной казны – по своему истолковал его ликование Кашалот. – А кроме того, выделить каждому матросу его долю из всего, что будет добыто «на земле без молитв». Так что слава адмиралу де Робервалю! – провозгласил он уже не столько для Жака Парижанина, сколько для тех двух полуоборванцев, которые, выдыхая похмельную гарь, ввалились в вестибюль «Самаритянина», чтобы и самим испытать счастье.

«Теперь-то я наконец смогу написать письмо Маргрет. Теперь мне есть о чем писать: я ухожу в море! Я вернусь небедным, а возможно, и вполне состоятельным человеком, и мы поженимся, как только я ступлю на этот орошенный слезами и молитвами берег Франции, – вот что я напишу ей! И очень жаль, что она не в Гавре, и мы не сможем повидаться. Прощание перед выходом в Великий Океан! Это же так прекрасно!»

– Эй, Парижанин! – остановил его боцман уже в проеме двери. – Ты помнишь, что теперь ты уже нанят?

– Конечно.

– Тогда немедленно бери свои пожитки и отправляйся на корабль! А пока что вот, возьми... Покажешь вахтенному вот этот кусок пергамента с печатью адмирала. Это тебе в виде пропуска в ад.

12

Ранним утром обоз герцогини вновь тронулся в путь.

Сосновый лес полусонные путники преодолели как-то незаметно для себя: Маргрет дремала в карете, склонившись на плечо безмятежно спящей Бастианны; кучера дремали на передках, а лейтенант и его «бессмертные» – в седлах.

Возможно, в таком, полувнятном состоянии они и достигли бы предместий Гавра, которые уже просматривались отсюда, с высоты плато, в далекой низине, если бы вдруг не прозвучали выстрелы.

– Нас кто-то догоняет! – появился у кареты сержант, составлявший с одним из солдат арьергард обоза. – Их целая кавалькада. Они стреляют, очевидно, требуя остановиться. Что будем делать, господин лейтенант?

– Что будем делать, герцогиня? – тотчас переадресовал этот вопрос все еще не проснувшийся до конца лейтенант.

– Двигаться, как прежде, – приказала Маргрет, с подножки кареты осматривая группу – человек двадцать всадников, довольно бойко приближающихся к обозу. При этом несколько из них явно вырвались вперед, чтобы объявить свои условия. – Клод, зарядите-ка мне аркебузу и оба пистолета. А вы, лейтенант, прикажите своим бессмертным быть готовыми к схватке.

– Вы и в самом деле достойны своего дяди – адмирала, – обронил лейтенант, оценив ее спокойствие, и тотчас же приказал сержанту и солдатам подтянуться к карете и приготовиться к бою.

– Это карета герцогини де Роберваль?! – наконец догнал обоз самый прыткий из преследователей.

– Да, разрази меня гром! – воинственно ответил лейтенант, вопросительно поглядывая на притаившуюся в карете Маргрет. – А кто вы, и по чьему приказу преследуете нас?!

– Из полка маркиграфа де Мовеля! Я – капитан Камен! Герцогиня, вы здесь?!

Маргрет приказала Клоду остановиться и, приоткрыв дверцу, вновь ступила на подножку. Увидев у нее в руках тяжелую аркебузу, все замерли от удивления.

– Герцогиня де Роберваль – это я. Что вам угодно? Где сам маркиграф де Мовель? И что привело его сюда?!

– Маркиграф де Мовель – с нами! Мы скакали всю ночь, – замусоленным платочком вытирал пот со лба капитан. – Очень боялись, что не успеем, и вас посадят на корабль.

– И все же я ничего не понимаю.

– Тогда скажу коротко, – хрипло взревел тучный капитан, увидев, что еще трое его солдат из дозорной группы поравнялись с последней повозкой обоза. – Именем маркиграфа де Мовеля, вы, герцогиня, объявляетесь свободной! Вы пребываете на земле маркиграфа, и он берет вас под свое покровительство, не желая, чтобы вы оказались изгнанницей в какой-то там далекой дикой Канаде...

– То есть он похищает меня?

– Наоборот, освобождает! Но вам лучше подождать и лично услышать все из уст маркиграфа.

– Капитан, я не позволю командовать моими людьми и герцогиней де Роберваль, – наконец-то окончательно пришел в себя лейтенант Гарден. – Адмирал де Роберваль приказал доставить герцогиню на корабль «Король Франциск», и я выполню этот приказ.

– Если только не последует приказа маркиграфа де Мовеля доставить вас, лично вас, лейтенант, в подземелье его замка, – схватился за шпагу капитан. – И можете не сомневаться, что этот приказ мы выполним с удовольствием.

– Господа, оставьте в покое оружие, – властно молвила Маргрет, – и прекратите спорить. Давайте подождем маркиграфа де Мовеля и спокойно слушаем его.

– Но мы теряем время, герцогиня – все еще нервничал Гарден. – Адмирал вынужден будет ждать нас.

– В таком случае не герцогиня, а адмирал теряет время, – напыщенно пробасил капитан, вновь промокая лицо и шею совершенно влажным от пота платком. Он уже успел пробиться к дверце кареты, демонстрируя, что герцогиня и в самом деле находится под его личной защитой.

– Я так и не пойму: то ли нас вновь арестовывают, то ли окончательно освобождают, – проворчала Бастианна. – Но то, что здесь появился наш общий друг маркиграф де Мовель, – уже становится романтическим.

А вот маркиграф явно не спешил. Он уже чувствовал себя хозяином положения, и теперь аристократично демонстрировал это и герцогине, и лейтенанту Гардену.

– Несказанно рад видеть вас, герцогиня, – наконец-то достиг он обоза и, сойдя с седла, распростер объятия так, словно это не он догонял обоз и карету, а сама герцогиня прибыла к нему в гости.

– Я тоже, господин маркграф.

Де Мовель был одним из самых рослых людей, которых Маргрет когда-либо приходилось видеть: настоящий гигант, гора мышц, преисполненная достоинства и уверенности в себе. Герцогиня понимала мать: в присутствии такого любовника она, Маргрет, тоже чувствовала бы себя уверенно и защищенно.

– Неужели это правда, что герцог Николя де Роберваль изгнал вас из дома и приказал сослать в Канаду?!

– Именно так, господин маркграф. Он приказал своему брату, адмиралу, переправить меня на эту далекую землю под охраной и лишил при этом наследства и благословения, – спокойно уточнила Маргрет.

– Значит, все-таки правда! Но я-то этого не допущу. Герцогиня, в присутствии всех этих господ объявляю, что отныне вы являетесь моей гостьей и пробудете в моих владениях столько, сколько пожелаете. При этом постоянно будете пребывать под моей личной опекой и охраной, и что, само собой разумеется, вам будет выделено одно из моих имений, которым вы будете распоряжаться по собственному усмотрению. – Пока он произносил все это, его люди окружили и мгновенно обезоружили солдат и самого лейтенанта Гардена, избежав при этом не только кровопролития, но и какой бы то ни было стычки.

– Вы так щедры, маркграф, – хмельно улыбнулась Бастианна, смерив де Мовиля сугубо женским оценивающим взглядом.

– И пусть только кто-нибудь посмеет властвовать над вами, оскорбить или хотя бы попытается обидеть каким-либо намеком...

– Пойдите-пойдите, маркграф... – пришла в себя Маргрет. – Попросите, чтобы все удалились и оставили нас одних. – Когда это требование было выполнено и всадники удалились от кареты, Маргрет без каких-либо обиняков спросила: – Насколько я поняла, вас послала герцогиня Алессандра?

– Нет. Клянусь честью своего родового герба. Я совершаю это по своей собственной воле.

– Но она хотя бы знает о том, что вы тронулись в путь, чтобы догнать меня?

– Я послал гонца и завтра она, конечно же, об этом узнает. Как, впрочем, и этот... слов не нахожу, чтобы выразить свое возмущение... ваш отец, герцог Николя де Роберваль.

– Но вы хоть понимаете, маркграф, что Робервали никогда не простят вам такого вмешательства в дела их рода?

– Меня это не остановит. У них уже и так есть повод ненавидеть меня, – саркастически ухмыльнулся он.

– Робервали соберут людей, они объявят, что вы похитили меня и силой заточили в свой замок. Между вами возникнет настоящая война, какая уже не раз возникала между аристократическими родами Франции.

– Это меня тоже не остановит, – молвил маркграф, но уже не столь уверенно, как прежде. – Тем более что вы сможете подтвердить, что силой я вас не захватывал и никуда не заточал, а всего лишь восстановил справедливость. В доказательство этого вы сможете выйти замуж за вашего избранника, шевалье д'Альби, и жить в моем имении так долго, сколько понадобится.

– Так вы уже знаете о шевалье д'Альби?! Впрочем... – сокрушенно покачала головой, Маргрет. – И все же... Все не так просто. Очевидно, вы плохо представляете себе, что за человек мой отец, и уж совершенно не представляете себе моего дядюшку, адмирала де Роберваля. Они сплетут против вас такой заговор...

– Остановитесь, Маргрет, – воинственно улыбнулся де Мовель. – А то у меня создается впечатление, что вы пытаетесь запугать меня.

– Уберечь, господин маркграф. И спасти.

– Тогда кто тут в роли спасителя?

– Они и в самом деле настроят против вас короля и весь двор. Они не захотят, чтобы мое отлучение от рода Робервалей и изгнание стали известны всей Франции. Отправив меня в Канаду, они в тайне надеются, что в высшем свете это будет воспринято как мое чудачество или как серьезная попытка начать новую жизнь в Новой Франции. И что там я выйду замуж, обзаведусь семьей, а тем временем здесь, во Франции, обо мне попросту забудут.

– Какой же он мерзавец, этот Николя де Роберваль! Не будь он вашим отцом...

– Но он все же мой отец, и вам, маркграф де Мовель, придется с этим считаться. И потом, вы еще не предугадали самого страшного.

Маркграф вопросительно взглянул на герцогиню. Он и так был подавлен ее логикой, и даже стал задумываться: не следует ли ему остановиться? Не принесет ли его поспешность и горячность еще больше неприятностей и Маргрет, и ему самому?

– Что вы имеете в виду, герцогиня?

– Как только Робервалям станет известно, что вы похитили... пардон, освободили меня из-под стражи лейтенанта Гардена, вам навсегда, слышите, навсегда, будет запрещено бывать в замке пэра де Роберваля, а герцогине Алессандре де Роберваль – под страхом заточения в монастырь и официального обвинения в супружеской измене, которое может привести даже к суду инквизиции... под страхом всего того, что моя матушка вряд ли способна будет пережить... – ей будет запрещено встречаться с вами. Уж не знаю, как для вас, но для герцогини Алесандры это будет настоящей трагедией.

Маркграф нервно дернул эфес шпаги, швырнул свое бесполезное в данном случае оружие назад в ножны, и раздосадованно прошелся вдоль кареты.

«Она права! – сказал он сам себе. – Весь ужас в том, что герцогиня действительно права. Превратив Робервалей в своих официальных врагов, я лишу Алесандру последней возможности хоть изредка видаться со мной».

Люди маркграфа, а также слуги и солдаты лейтенанта Гардена все еще держались поодаль и молча наблюдали за тем, что происходит у кареты. Все ждали решения герцогини, понимая, что только от ее согласия или несогласия зависит развитие дальнейших событий.

– Что же вы в таком случае предлагаете, герцогиня? – измученно спросил де Мовель, вконец разуверившись в мудрости и своего решения, и своей решимости.

– Я признательна вам, маркграф, за это вторжение в мою жизнь. И останусь признательной на всю жизнь. Уже хотя бы потому, что вы – единственный в этом мире, кто хотя бы попытался вступить за меня.

– Вот именно: «попытался вступить», герцогиня, – почти в отчаянии развел руками маркграф. – Но, как видите...

– Нет, маркграф, я не права. Не просто пытались, вы и в самом деле храбро и решительно вступились. Ибо то, что вы сделали, не осталось словами или пустыми обещаниями. Это было действие, отчаянное и мужественное. И не ваша вина, что я не позволила развить ваш план спасения.

– Да, предлагаете воспринимать мое поражение именно так?

– Вы остались верным своему слову и своему долгу маркграф. Это я не согласилась получить свободу из ваших рук. Но в то же время я освобождаю вас и от вашего долга, и от угрызения совести.

– Я благодарен вам, Маргрет, – кажется, только теперь по-настоящему осознал де Мовель, на какой грани общественного порицания, на какой грани вражды с родом Робервалей, и, наконец, на какой грани общественного противостояния с королем сумела остановить его эта муже-

ственная женщина. – Я... благодарен вам, – почти шепотом повторил он. – Вы также мудры и так же благородны, как и ваша матушка, герцогиня Алессандра.

– Кажется, мы прекрасно поняли друг друга.

– Весьма сожалею, что слишком поздно познакомился с вами. Близко познакомился. И мне бы очень хотелось...

– Уверена, у нас еще будет такая возможность. Не собираюсь же я пробыть там, за океаном, целую вечность. Однако я бы не допустила, чтобы вместо моей матушки вы влюбились... в меня, – озорно улыбнулась Маргрет.

Маркграф тоже улыбнулся, но как-то слишком уж уныло. Это была шутка, которая, увы, могла оказаться сумбурной правдой.

– Что я могу сделать для вас, герцогиня? Чем облегчить вашу участь?

– Помочь вернуться в карету, – вежливо напомнила Маргрет, ставя ногу на подножку экипажа.

– О, да, простите... – подал ей руку маркграф. – Но в самом деле... что-то же я должен, что-то же могу сделать для вас?..

Прикажите своим людям вернуть лейтенанту и его «бессмертным» оружие. Этого будет вполне достаточно.

– Эй вы, бездельники! Верните лейтенанту Гардену его шпагу! Солдатам – тоже. Прошу прощения, лейтенант, произошло недоразумение, которое, как вы сами видели, удалось уладить после соответствующих разъяснений герцогини.

– Будьте мудры, лейтенант, – жестко предупредила Гардена Маргрет.

– Извинение принимается, – поспешно заверил Гарден, безмерно радуясь тому, что и задание адмирала он выполнит, и чести своей перед герцогиней и солдатами не уронит. А главное, обойдется без схватки, а значит, и крови.

– Что-то еще? – вновь подал голос маркграф, стоя у кареты.

– Можете сопровождать меня до Гавра. – Не попросила, а великодушно позволила Маргрет. – И даже до порта. Что с пониманием будет воспринято и адмиралом де Робервалем, и, естественно, моим отцом, который наконец-то проникнется искренним уважением к вам.

– «Наконец-то»? – переспросил де Мовель?

– Можете считать, что оговорила.

– Но провожать вас в изгнание!.. Как это с моей стороны будет выглядеть?

– Мило, – улыбнулась Маргрет. – Очень уважительно и очень мило.

– А почему вдруг в изгнание? – неожиданно подала голос доселе терпеливо молчавшая Бастианна, которая все это время оставалась в карете, где, притаившись на переднем сиденье, за занавеской, слышала весь разговор герцогини с маркграфом. О ней-то все попросту забыли. Но корсиканка понимала, что имеет в виду Маргрет, описывая страдания, которые могут постичь ее мать, поскольку хорошо знала, каковы отношения маркграфа и Алессандры. Сама не раз передавала гонцу или принимала от него записки, чтобы затем... – Кто об этом знает, об этом изгнании? И почему они должны об этом знать? Насколько я понимаю, эскадра адмирала идет в Новую Францию, чтобы завоевывать новые территории. Так пошлите, господин маркграф, своих людей в город, пусть еще до прибытия обоза объявят, что герцогиня Маргрет де Роберваль изъявила желание отправиться вместе с эскадрой и первой ступить на землю Новой Франции! Она будет первой высокородной аристократкой, ступившей на эту территорию. Адмирал побудет там и уведет свою эскадру назад, во Францию, а герцогиня останется в новой провинции как дочь пэра Франции, представительница королевского двора. Королевой Новой Франции – вот кем она там останется!

Монолог Бастианны был выслушан молча и с восхищением. Как монолог выдающейся актрисы. Даже когда она умолкла, де Мовель все еще какое-то время стоял с приоткрытым ртом, ожидая то ли продолжения ее напутствия, то ли выхода «на бис».

– Только не смейте, маркграф, произносить слова «королевой Новой Франции». Ни мне, ни вам этого не простят, – тотчас же исправила герцогиня горячность корсиканской пиратши.

– Тогда – вице-королевой – столь же убежденно уточнила Бастианна. – А все присутствующие здесь рыцари, – обвела она взглядом солдат и слуг, – никогда ни о каком изгнании не слышали. Я верно вас поняла, господа рыцари?!

– Именно так, – за всех подтвердил лейтенант.

– Семейное недоразумение – да и только, – поддержал его сержант.

– Но пока что, действительно, обойдемся без королевских титулов, – согласился маркграф. – Хотя ваша служанка подала очень мудрую мысль. Почему бы родовой позор изгнания не превратить в триумф проводов герцогини де Роберваль, добровольно рискнувшей освятить своим присутствием новые земли Франции?! Думаю, что и сам король будет растроган.

– Насколько мне известно, адмирал все еще пытается держать в тайне то, куда направляется его эскадра, – продолжала осторожничать Маргрет.

– Вот как? – замешкался де Мовель. – В самом деле? Это что, очередная королевская тайна?

– Следует полагать.

Но ситуацию неожиданно спас лейтенант Гарден.

– Адмирал действительно пытался сохранять сие в тайне, – объявил он, поняв, о чем идет речь. – Но это ему не удалось. Полгорода знает, что корабли уходят в Канаду, что моряки и солдаты покидают Францию на долгие месяцы. И увидите, каким трогательными будут их проводы в порту.

Это сообщение лейтенанта оказалось решающим. Маркграф немедленно приказал части своих людей мчаться в Гавр, проехаться по улицам и где только можно огласить, что из Парижа прибывает герцогиня Маргрет де Роберваль, которая решила быть первой высокородной французенкой, дочерью пэра, ступившей на землю Новой Франции.

– Уверен, что горожане, знающие цену мужеству моряков, оценят и мужество решившейся на это плавание герцогини, – заключил он, напутствуя своих гонцов.

* * *

Обоз, теперь уже в сопровождении маркграфа и нескольких его воинов, вновь двинулся в путь.

Бастианна была очень довольна, что все закончилось именно так, как она предложила, что к ее мнению всерьез прислушались. И хотя она и не высказывала своего удовольствия вслух, тем не менее какое-то время ехала, держа, как знак поддержки, руку Маргрет в своей руке; как делала это в детстве, желая унять ее боль, успокоить, придать ей уверенности.

И лишь, когда Отставной Бомбардир объявил, что они въезжают в предместье Гавра, корсиканку неожиданно прорвало:

– То, что на берег Новой Франции ступит герцогиня де Роберваль, Старая Франция, несомненно, узнает. А вот узнает ли она, что среди первых на берег Новой Франции ступит и некая почтенная корсиканка?

– Успокойся, Бастианна, об этом узнает вся Корсика.

– Ну, когда об этом узнают на Корсике, – притворно вздохнула Бастианна, – там этой новости никто не удивится. Ибо твердо знают, что на каждой из земель, когда-либо открытых испанцами, португальцами, французами или венецианцами, корсиканские пираты побывали как минимум за полстолетия до их первооткрывателей. Так кого способно удивить появление в Новой Франции старой корсиканской пиратки Бастианны?!

Несмотря на усилия гонцов маркграфа, въезд герцогини де Роберваль в Гавр все же остался почти незамеченным. Однако де Мовеля это не обескуражило. Он приказал всем своим

людям обойти вечером кабаки, отели и заезжие дворы и вновь ненавязчиво, как бы между прочим, объявить все то, что им было велено.

Отправиться в тот же день на корабль Маргрет, естественно, отказалась. Но и остановиться в какой-либо из гостиниц маркиграф ей тоже не позволил. В Гавре жил его родственник, который был чем-то обязан маркиграфу, у него-то де Мовель и снял для герцогини весь второй этаж довольно большого особняка «на столько дней, на сколько понадобится». Понятно, что от такой услуги Маргрет отказаться не могла. После нескольких дней пути она вновь оказалась в уютном, прекрасно обставленном доме; вновь почувствовала сама и напомнила всем окружающим, кто она, из какого рода происходит и к каким королевским династиям восходят ее предки.

Для начала, с помощью Бастианны, она устроила себе роскошную ванну, в которой нежилась добрых полтора часа до полного изнеможения. И, растирая ее тело, Бастианна, с подобострастием лесбиянки не могла налюбоваться красотой ее плеч, очертаниями бедер; на удивление крепкими, если учесть ее воспитание и образ жизни, икрами ног.

– Ты – божественна! – приговаривала она, в третий раз меняя воду в широком медном тазу, – жаль, что такую прелесть приходится упрятывать под всевозможными одеяниями. Если бы тебе позволили появиться на королевском балу в костюме Евы, ты затмила бы всех красавиц Франции.

– Ничего, туземцы Канады вдоволь смогут насладиться и моими телесами, и твоими рекомендациями, – отшутилась Маргрет.

– А что, поговаривают, что среди них случаются очень даже приличные мужчины, не чета некоторым нашим трактирным пропойцам. И потом, среди офицеров, которые высадутся с кораблей адмирала, тоже ведь могут оказаться холостые и состоятельные. Не говоря уже о прочих добродетелях.

– Посмотрим, Бастианна, посмотрим... – задумчиво молвила Маргрет, и служанка поняла, что мысли ее сейчас далеки и от Канады, и от офицеров.

– Как думаешь, удастся людям маркиграфа найти среди матросов эскадры Роя д'Альби?

– А разве его будут искать? – удивилась служанка.

– Я попросила об этом маркиграфа как о последней, но совершенно секретной услуге.

– Кажется, ты становишься мудрой, – изрекла Бастианна.

– Еще бы! Каждый день воспринимать такие уроки старой корсиканской пиратки...

Они рассмеялись и прислушались. Шаги за дверью были скрытными и явно женскими. Очевидно, кто-то из служанок решил подсмотреть за поведением оголенной герцогини или же подслушать, о чем она беседует со своей няней. Появление этой любопытной заставила заговорщиц вести себя осмотрительнее и, для начала, хотя бы понизить голос.

– Не боишься, что адмирал вдруг вспомнит фамилию твоего возлюбленного? Кто-то ведь обязательно донесет ему, что одним из матросов усиленно интересуются какие-то люди. А тут еще саму цель похода эскадры велено считать тайной; вдруг он шпионит.

– Маркиграф заверил, что ознакомится со списками команд, якобы в поисках сбежавшего слуги, который может наняться на один из кораблей в попытке избежать наказания за какие-то свои прегрешения.

– Оказывается, и маркиграф тоже не глуп. Я-то считала, что все французские мудрецы рождаются на Корсике. С чего бы это?

К позднему вечеру маркиграф уже мог сообщить Маргрет, что ни на одном из четырех кораблей, со списками команд которых удалось – за солидную плату, естественно, – ознакомиться его людям, ни шевалье д'Альби, ни студента-медика под другой фамилией, ни даже парня по имени Рой обнаружено не было. Правда, оставалась последняя надежда – команда «Короля Франциска», командовать которым будет сам адмирал. Но и эта надежда представляла слишком иллюзорной, поскольку команда его была полностью набрана еще две недели назад.

Тем более, что корабль только вчера вернулся в порт и новых людей на борт его боцман не принимал. Разве что шевалье д'Альби объявится там завтра утром.

У Маргрет были все основания огорчиться, однако впадать в уныние маркграф ей не позволил. Он вообще вел себя как бескорыстный покровитель, стараясь, как только можно, скрашивать последние дни и часы пребывания герцогини на земле старой доброй Франции.

13

Веселье в таверне «Викинг» было в разгаре, когда туда заглянул тучный офицер в наброшенном на левое плечо плаще и с двумя пистолетами за широким ремнем.

Мельком осмотревшись, он подошел к столу штурмана Дюваля и, не обращая внимания на двух других матросов, которым давно пора было оставить сие богоугодное заведение, спросил, может ли он поговорить с ним наедине.

Дюваль окинул его оценивающим взглядом, понял, что это человек, с которым стоит иметь дело, и, поднявшись, ухватил обоих матросов-пропойц за шивороты. Еще через несколько мгновений они вместе со стульями были втиснуты между матросами, восседавшими за соседним столиком, и широким жестом вежливого хозяина штурман пригласил офицера за стол.

– Капитан Камен, – представился тучный господин. Имя мое в этом городе пока что никому ничего не говорит, зато говорит имя моего хозяина, чьи интересы я здесь представляю, – маркграфа де Мовеля.

– Понятия не имею, кто это такой, – отрубил Дюваль, но смею предположить, что такой господин, как вы, не станет представлять интересы человека недостойного, – изрек он самую изящную из фраз, какую только способен был сотворить, сидя здесь, в «Викинге», после бесчисленного количества выпитого и сказанного!

– Завтра на корабле «Король Франциск» окажется одна особа...

– Одна особа... – кивнул штурман, глядя куда-то в сторону, мимо капитана.

– Которая будет нуждаться в вашей защите.

– В защите... – механически повторил штурман, но потом вдруг, сладострастно икнув, спохватился. – Особы, нуждающиеся в защите, на кораблях оказываться не должны. Ибо всякий нуждающийся в защите еще здесь, на берегу, попадая на корабль, очень скоро оказывается за его бортом.

– Этого-то маркграфу как раз и не хотелось бы, – терпеливо прояснил свою и его, штурмана, задачу капитан. – Тем более, что особа эта – женского пола, и слишком молода, чтобы спокойно воспринимать даже самое изысканное палубное общество.

– То есть вы хотите сказать, что на борту окажется девица?!

– Весьма высокородная, скажем так, юная дама.

– Но какого черта, разопни меня дьявол на ржавом якоре?! Какому идиоту может прийти в голову?..

Капитан Камен откинулся на спинку кресла и набыченно уперся руками в колени: если удалось расшевелить этого морского бродягу, значит, разговор пойдет.

– Терпение, приятель... Слишком ты скор на слово. И давайте не торопиться с выяснением имени того самого идиота.

– Вот оно что... Тогда скажите, эта дама...

– Вы совершенно правы, – уже более вежливо подхватил его догадку капитан. – Человека, который может себе позволить отвести для юной герцогини каюту на борту «Короля Франциска», идиотом лучше не называть, а уж назвав, вежливо удержаться от произнесения вслух его имени.

– Адмирал? – едва внятно прогундосил Дюваль, делая несколько глотков вина.

Камен молча, выразительно кивнул и тут же оглянулся, нет ли кого-либо поблизости.

– Но, боги-заступники, нельзя ее на корабль!.. Моряки попросту взбунтуются. Это же пытка женскими прелестями, которая похлеще протягивания под килем. Если уж брать женщин, то хотя бы с десяток.

– На то он и адмирал, чтобы мог позволить себе даже такое.

– Вы не правы, сударь, существуют суровые законы моря...

– Но только не на корабле адмирала де Роберваля – все же произнес это имя капитан. – Тем более, что герцогиня Маргрет де Роберваль – родственница короля, дочь пэра Франции и племянница адмирала. И сегодня вечером в честь нее в Гавре устраивается званый ужин, на котором будут выпиты лучшие вина этого города и произнесены самые изысканные тосты и комплименты местных, достойных мира сего, господ.

– Но если такое решение принял адмирал, то от кого ее нужно будет защищать?! – изумился штурман.

– То есть вы согласны наняться штурманом на «Короля Франциска»? – пропустил мимо ушей его возглас капитан Камен.

– Вот только пока что меня туда никто не приглашал, – как-то сразу же потускнел взор Дюваля.

– Хотя всем известно, что у адмирала до сих пор нет ни стоящего штурмана на «Короле Франциске», ни стоящего старшего штурмана эскадры. Да и вообще, выходить без такого штурмана, как вы, в Великий Океан, чтобы следовать курсом на Канаду, – чистое безумие. Вот почему многие задаются вопросом: «Почему, собственно, адмирал тянет? Словно не догадывается, что лучший штурман северного побережья с утра до ночи просиживает в нескольких кабельтовых от кормы его корабля?»

– И почему же он... тянет? Может, вы, умник, знаете ответ и на этот вопрос?

Камен выдержал надлежащую паузу, прокашлялся и с тоской взглянул на опустевшую бутылку рома. Нет, сегодня он должен быть трезв, как перед рождественской исповедью. Однако же и штурман не прав. Он ведь запросто может оказаться забытым эскадрой, так что его, капитана Камена, должен воспринимать как вестника Божьего.

– Я и в самом деле есть тот единственный, кто это знает, – не очень охотно нарушил свое «молчание обиды» капитан, – в этом можете не сомневаться. Адмирал ждет, что из Марселя прибудет штурман Мадарини.

– Мадарини?! – был буквально сражен этим сообщением Дюваль. Ему и в голову не приходило, что адмирал может прибегнуть к услугам этого чужестранца. Думал, что, возможно, тот наймет Кореля или Свирепого Быка – знатока северных морей. Но прибегнуть к услугам Мадарини!

– Да, представьте себе... Мадарини. Согласен: заносчивый и туповатый венецианец, который, говорят, тоже кое-как научился читать морские карты и даже каким-то непонятным образом сумел уяснить для себя, как пользоваться секстантом. Но есть важное обстоятельство: в свое время, когда Роберт де Роберваль был еще лейтенантом, они с Мадарини служили на одном корабле.

– И все же в Гавр этот венецианец почему-то не прибудет? – с надеждой взглянул Дюваль на капитана.

– Это будет зависеть от того, сумеем ли мы с вами договориться. В город он должен прийти завтра на рассвете. Но очень может случиться, что по дороге его задержат... некоторые обстоятельства.

– Вот именно: обстоятельства... – не скрывая своего волнения, молитвенно вознес руки к небу Дюваль.

– Но об обстоятельствах, которые случатся завтра, адмирал должен будет узнать уже сегодня.

– Уж не вы ли тот мудрец-висельник, что решится открыть сию провидческую тайну адмиралу де Робервалю? Которого даже самые отпетые пройдохи – капитаны, которые и сами не раз развешивали по реям весь цвет своих команд, называют «взбесившейся скотиной».

– Прежде я хочу услышать ваше согласие.

– Но вы его уже слышали.

– Как-то слишком уж невнятно оно произнесено, любезнейший. Но будем считать, что оно и в самом деле произнесено. Причем очень даже внятно. А потому не станем терять времени. Сегодня же постараюсь поговорить с командором Блэком, лично занимающимся комплектацией офицерского корпуса эскадры.

– Командор Блэк?.. С этим, пожалуй, можно и потолковать. Он хоть и англичанин...

– Нормандец полуанглийских кровей, – уточнил капитан.

– Он хоть и англичанин-полукровок, – еще презрительнее произнес Дюваль, в который раз удивляясь информированности этого сухопутного служаки. – Однако согласен: служба во флоте короля Франции благоприятно сказалась даже на нем.

Довольный ходом переговоров, капитан поднялся и хотел было попрощаться, но Дюваль вдруг спохватился.

– Вы так и не сказали, от кого именно мне следует защищать это эфирное создание. Я имею в виду не трюмную плесень, а офицеров.

– Ну, от вас, как от, скажем так, третьего лица на корабле, будет зависеть многое...

– Вы не поняли меня: если речь идет о матросах, то я зажму их так, что...

– Адмирал зажмет их без вас. Вопрос в том, чтобы точно так же, намертво, зажать... самого адмирала.

Дюваль как-то неестественно выпрямился, так что слегка согбенный позвоночник его чуть было не распался, и, приоткрыв рот, удивленно уставился на капитана, как на портового мессию.

– Н-не понял.

– ...Которому герцогиня, напомню, приходится племянницей – окончательно добил его Камен, и, оставшись довольным собой, чинно зашагал к выходу. Он, капитан, свое дело сделал, остальное предоставлял Дювалю.

14

В тот же вечер в номер гостиницы, в котором остановился командор Брэд, не спешивший перебираться на корабль, вежливо постучали, и некий тучный господин попросил разрешения отнять у него несколько минут драгоценного времени. Нет-нет, исключительно по просьбе маркграфа де Мовеля.

Имя маркграфа было хорошо известно командору, а потому, вежливо склонив голову, он пригласил капитана Камена в прихожую. По запаху женских пряностей капитан без труда определил, что явился он явно не вовремя, о чем покаянно сообщил командору, добавив при этом, что только служба да обязательства перед маркграфом де Мовелем заставляют его...

– Не будем расточаться в излишних объяснениях, – вежливо прервал его Брэд.

– В таком случае я окончательно умолкаю, и пусть говорит маркграф де Мовель, – вручил ему капитан письмо маркграфа.

Командор бегло прочел его, и, сохраняя внешнюю невозмутимость, медленно, величественно покачал головой:

– Мадарини задержан полицией! Этого следовало ожидать. Я давно считал, что непозволительно пользоваться услугами венецианца в качестве штурмана. Тем более, что речь идет об освоении новых территорий, о том, в чем у нас нет более серьезного соперника, нежели венецианцы.

– Маркграф такого же мнения, сэр, – почтительно молвил капитан. – Хотя и знает что Мадарини уже немало прослужил во французском флоте.

– А этот штурман Дюваль... В общем-то, я немало слышал о нем, но лично... Да и согласен ли он будет...

– С ним уже переговорили. Он согласен. Завтра поутру прибудет на «Короля Франциска».

– Предварительно мне хотелось бы обменяться с ним несколькими словами еще здесь, а не на борту.

– Что значительно упрощает мою миссию. Через час он явится к вам.

– Через два.

– Именно это я и имел в виду: через два. И можете не сомневаться, что в лице старшего штурмана Дюваля вы получите на борту флагманского корабля и во всей эскадре преданнейшего вам офицера. Лично вам... преданнейшего.

– Но ведь вы согласитесь, что, выходя в Великий Океан под командованием такого адмирала, как де Роберваль, это немаловажно: полностью полагаться на третье лицо в эскадре.

– Маркграф де Мовель такого же мнения. Тем более, что на борту появится еще одна особа...

– Знаю, герцогиня Маргрет де Роберваль.

– С которой, если учесть их родственность, у адмирала более чем странные отношения, сэр. И есть люди, в их числе и маркграф де Мовель, заинтересованные в том, чтобы смягчить удар судьбы, постигший юную герцогиню.

– Это наш общий долг, – вежливо согласился командор.

Пока одни люди маркграфа проверяли списки корабельных команд и, имея приметы Роя д'Альби, осматривали портовые таверны и даже подпольные бордели; другие, с помощью слуг и друзей хозяина особняка, Артура де Мовеля, оповещали всю городскую знать о предстоящем бале в честь красавицы-герцогини Маргрет де Роберваль, дочери пэра Франции Николя де Роберваля и племянницы адмирала Роберта де Роберваля. При этом каждому из приглашенных сообщали, что мужественная герцогиня решила первой из высокородных дам ступить на новые земли королевства, отважившись на рискованное плавание к неведомому материку, на ужасы и лишения первых колониальных сражений. Это производило впечатление. О храброй герцогине заговорили во всех домах и тавернах.

Однако бал был назначен на завтра. А пока что маркграф де Мовель накрыл стол для узкого круга своих друзей и высокопоставленных знакомых, и на вечеринку эту были приглашены комендант крепости, начальник порта, судья, мэр города... Единственным из тех, кто в общем-то непременно должен был присутствовать на этой вечеринке, но кого попросту «забыли» пригласить, «почему-то» оказался адмирал де Роберваль. Впрочем о нем как-то старались и не вспоминать. В центре внимания гостей была она – красавица Маргрет, герцогиня королевского рода. Нет, «вице-королевой Новой Франции» ее пока что никто вслух не титуловал, но уже все подразумевали. И вообще, все выглядело чинно и достойно.

Маргрет буквально очаровала это, в большинстве своем мужское, собрание. Тосты, восторженные комплименты, ритуальное целование руки... Маргрет была беспредельно признательна маркграфу. Уж неизвестно, суждено ли ей когда-либо стать вице-королевой Новой Франции, но что в море она уходит истинной королевой Гавра – в этом сомневаться не приходилось. А как страстно наигрывали старинные нормандские мелодии музыканты! И как влюбленно местный менестрель, выпускник двух университетов, пытался осчастливить ее стихами, написанными в честь «нордической герцогини, которая, подобно вождям древних викингов, повела корабли к далеким холодным островам».

Именно после этих стихов на балу и в городе ее только так и называли – Нордическая Герцогиня.

... Так вот, об адмирале на этом званом ужине в честь Нордической Герцогини де Роберваль действительно старались не вспоминать, однако следующим утром он вдруг сам напомнил о себе. Узнав, что, еще вчера прибыв в Гавр, опальная герцогиня не только не перебралась на корабль, но даже не удостоила его своим визитом и, как ни в чем не бывало, восседает на званом ужине, а по существу, на городском балу, он рассвирепел. Прибывший от него лейтенант Гарден сурово потребовал, чтобы герцогиня немедленно взошла на корабль.

Маргрет вежливо, но твердо ответила, что сие невозможно: на корабле она появится завтра, а пока что слуги займутся переправкой на «Короля Франциска» ее вещей.

– Кстати, – остановила она офицера уже на пороге, – напомните адмиралу, что я не принадлежу к числу матросов его команды, и что это он обязан был нанести мне визит вежливости.

Лейтенант с грустью взглянул на Маргрет. Как и многие в этом городе, он был восхищен красотой и телосложением герцогини. Но только он один – не считая адмирала, – знал, какая трагедия может разыграться, как только Нордическая Герцогиня ступит на палубу корабля.

– Простите, герцогиня, но адмирал взбешен. Этот вчерашний бал, ваша известность в городе... Не выдавайте меня, но на вашем месте я бы остался под защитой могущественного маркиграфа.

– Теперь это уже невозможно.

– Понимаю... Слава Нордической Герцогини... – вздохнул Гарден.

Выслушав доклад лейтенанта, адмирал чуть не изрубил его шпагой и велел тотчас же доставить герцогиню-изгнанницу под конвоем, запретив впредь титуловать ее герцогиней.

С этим-то вконец расстроенный лейтенант и вернулся в город.

Хотя сам маркиграф де Мовель в открытый конфликт с адмиралом, вроде бы, пока что не вступал, однако дальше ворот особняка Артура де Мовеля лейтенанта и его солдат вооруженные слуги не пропустили. Еще больше взбесило адмирала то обстоятельство, что после своего визита Гарден передал ему письмо от маркиграфа, в котором адмирала «извещали», что сегодня вечером состоится второй бал на честь герцогини Маргрет де Роберваль, и что он, адмирал, пребывает в числе приглашенных.

– Второй?! – взревел адмирал. – А меня даже не приглашают, а всего лишь извещают о том, что я «в числе приглашенных»! Этот... де Мовель, он хотя бы знает, что отец Маргрет? ...

– Знает, – на полуслове решился прервать его Гарден.

– И что я запретил называть ее герцогиней?

– После вчерашнего бала весь город уже называет ее «вице-королевой Новой Франции» и «Нордической Герцогиней». Гавр восхищается ее решением плыть в Канаду, ее мужеством.

– Ее решением? Чьим... решением?! И какая вице-королева, какой еще бал?! – задохнулся Роберт де Роберваль. – Кто приказал устраивать этот дурацкий вертеп, и по какому праву?! Я не допущу, чтобы девица, бросившая тень на честь рода Робервалей, мучила здесь кому-то головы.

– Но, господин адмирал, – набрался мужества перечить ему лейтенант Гарден, – по секрету мне было сказано, что на балу вновь будут присутствовать комендант крепости, глава городской мэрии, несколько генералов и старших офицеров, а главное – два банкира, помогающих финансировать вашу экспедицию. И что о нем уведомлен король.

– Даже король?! Христопродавцы эшафотные!

– Что же касается Маргрет де Роберваль, то вырвать ее из дома маркиграфа де Мовеля можно разве что, добыв его штурмом.

– Ну, так добудьте его штурмом! – уже без прежней ярости и азарта молвил адмирал. – Разнесите его по камешку, сотрите с лица Земли.

– Из-за девицы, которую уже даже запрещено именовать герцогиней? – окончательно добил его лейтенант; и, наорав на него, адмирал вынужден был выставить Гардена из каюты.

Тем временем маркграф оказался довольно тонким политиком. Еще до бала все, кому положено было знать это, знали, что адмирал не прибудет и что герцогиня пребывает в натянутых отношениях с ним, поскольку недовольна крутостью его нрава и жестокостью, с которой он обращается с матросами. О крутости и жестокости де Роберваля в городе уже были наслышаны, а потому отношение к ним мужественной Нордической Герцогини лишь увеличивало к ней уважение. Кто-то даже советовал обратиться к королю с петицией о смещении адмирала.

Не помешало ореолу славы Маргрет и «по секрету» распространенное известие о ее романе с неким шевалье, с которым родители и адмирал запрещают ей встречаться. Опасаясь, как бы адмирал не решился очернить свою племянницу, распуслав слух о ней как об изгнаннице и развратнице, маркграф сам одаривал городскую знать пикантными подробностями того, как, решившись на путешествие в Новую Францию, Маргрет тайно была помолвлена с одним небогатым, но храбрым офицером, и это вызвало гнев ее отца и дядюшки-адмирала. Маркграф сообщал об этом накануне бала лишь самым достойным людям города, не скрывая при этом своего восхищения храбростью и отчаянностью герцогини-мореплавательницы, которое, конечно же, в разной степени, но все же не могло не передаваться знатным горожанам. Особенно их женам.

– Но вы-то, герцогиня, понимаете, что, возможно, с первых же дней нашим солдатам придется сражаться за эту землю? Причем не только с туземцами, но и с англичанами, которые успели колонизировать значительную часть Канады? – подошел к ней с бокалом вина комендант Гавра генерал де Колен.

– Неужто вы не уверены в своих солдатах, генерал?

– Поначалу их будет слишком мало, – слегка опешил де Колен, он-то вел речь о женских страхах, а не о долге солдата. – А главное, англичане станут отчаянно сражаться. Для них это вопрос чести.

– А для нас, генерал, – нет?

Два других генерала и несколько гражданских едва сдержали улыбки и на всякий случай отвели взгляды, делая вид, что ничего не произошло.

– Ну, понимаете ли, герцогиня...

– Для нас земли Новой Франции – это не вопрос чести? – стояла на своем Маргрет. – Или мы уже привыкли к тому, что в самые трудные часы Франции приходится уповать только на Жанну д'Арк?

– Не будем упоминать здесь имя отлученной от церкви и сожженной на костре.

Отлучить от церкви – еще не значит отлучить от Франции. А я – француженка. Что же касается костров... Женщина должна восходить только на те костры инквизиции, которые сама же и разводит, то есть на костры любви. Никакие другие костры ни сжечь женщину, ни тем более очистить ее душу, не способны.

Теперь уже генерал буквально оторопел. Ничего подобного слышать из уст женщины ему не приходилось. Чувствуя, что беседа зашла в тупик, комендант дипломатично прокашлялся. Генералы тоже потупили взоры. А все вместе подумали: «Как хорошо, что при этом не присутствуют церковники».

– В любом случае вы ведете себя, как подобает истинной вице-королеве Новой Франции, – достойно вышел из положения комендант де Колен. – Я восхищен.

15

Выслушав еще несколько заздравных речей и множество слов восхищения, Маргрет вышла на балкон. Дом стоял на возвышенности, и отсюда хорошо были видны освещенный лунным сиянием залив и помеченные сигнальными огнями очертания судов. Там, за ними – за этими судами и заливом – начинался Великий Океан, среди покорителей которого отныне

будет и ее, Маргрет де Роберваль, имя. А все остальное, все эти интриги в родовом замке и в каюте капитана... Чего они стоят? Что они – перед таинством нового покорения океана, перед познанием, перед славой и вечностью? Так о них ли, об интригах, стоит думать в эти дни?

– Если у вас возникли сомнения в правильности вашего выбора, – появился рядом с ней мэр, высокий сухопарый старик, длительное время, как ей сказали, пребывавший здесь же, в Гавре, в качестве королевского судьи, – вы можете остаться в нашем городе. Я поинтересовался у Артура де Мовеля. Он готов отвести вам под жилье этаж, который вы занимаете. И это – в одном из лучших особняков города.

– А вы, если бы вам предстояло уйти завтра к неведомым землям, тоже избрали бы один из этажей этого особняка?

– Я, пожалуй, да, – ответил мэр, после некоторого колебания. – Но лишь пребывая в том возрасте, в каковом пребываю сейчас.

Маргрет мило улыбнулась ему, считая, что тема исчерпана.

– Мы все полюбили вас, герцогиня. Нордическая Герцогиня, – сменил тон бывший королевский судья, который блистал, правда, довольно молчаливо, и на вчерашнем приеме. – А мне лучше, чем кому бы то ни было, известно, что за люди будут в командах эскадры и что за сброд начнет прибывать в Новую Францию на кораблях, которые последуют за ней.

– Пусть меня утешает то, что все это мне еще только предстоит узнать.

Теперь Маргрет точно знала, что у нее все еще действительно есть выбор: уйти с эскадрой или остаться. Если бы она избрала особняк родственника маркграфа, адмирал уже не в силах был бы предпринять что-либо такое, что вынудило бы ее следовать в порт или хотя бы породило ощущение униженности. Присутствовавшие здесь аристократы просто не позволили бы адмиралу сделать это или же не оставили бы такое поведение безнаказанным. Да и сам Роберт де Роберваль выглядел бы в этой ситуации самоубийцей.

Но именно потому, что теперь у нее был выбор, Маргрет решительно избрала корабль, вояж, океан, Новую Францию... Не чувствовать себя изгнанницей, не нести на себе крест родительского проклятия, а оставаться верной собственной воле – вот то, что вдохновляло ее теперь, «нордическую герцогиню, вице-королеву Новой Франции»!

Маргрет танцевала минут с каким-то бравым полковником, когда к маркграфу подошел только что появившийся полицейский офицер. Герцогиня уже знала, что де Мовель был с ним в приятельских отношениях и тоже привлек его к поискам шевалье д'Альби. Но по выражению лица маркграфа поняла, что и на сей раз вести неутешительны. Как жаль!

– Мы все восхищаемся вами, – молвил полковник, подобострастно целуя ей руку после танца. – Особенно я, полковник, барон фон Ринке.

– Я это уже слышала, барон, – не очень внимательно и не очень вежливо заверила его Маргрет. – От других. А ценными подобные слова становятся лишь в устах того, кто молвил их первым.

– И кто же был сей избранник судьбы? – нервно напрягся полковник, ожидая услышать имя своего соперника.

– Отец города.

– О, это весьма благородный старик, – вновь ожил полковник, довольный тем, что его не пытаются столкнуть лбом с реальным соперником. – Завтра же я и все мои офицеры будем в порту, среди провожающих.

– Польщена, полковник. Кстати, вам приходилось когда-либо сражаться на дуэли?

– На дуэли? Вы спрашиваете об этом меня, ломбардийца?! Да по крайней мере раз пять. А почему, собственно?..

– Хотела узнать, сразились ли бы вы, если бы пришлось, на дуэли из-за меня. То есть я хотела сказать: сумели бы отомстить за меня?

– А что, есть повод? Вас кто-то оскорбил?! – вызываяще осмотрел фон Ринке всех ближайших мужчин. – У нас, в Ломбардии, каждый второй мужчина дуэлянт. Пистолеты, шпаги, мечи, ножи...

– Убедили, полковник, у-бе-дили. Вообще-то, мне приходилось слышать, что ломбардийцы любят преувеличивать и храбрость свою, и свои успехи. Но уверена, что вас эта молва не касается. Вы нравитесь мне, полковник, и я предоставляю вам право провести меня завтра до моей каюты на «Короле Франциске».

– Счастлив принять ваше предложение, герцогиня. Когда я поведаю об этом своим офицерам, некоторые из них действительно сочтут, что я преувеличиваю. Так вот и рождается молва о страсти ломбардийцев к преувеличениям.

– Но тогда уже я сумею защитить вас, полковник фон Ринке. К тому же значительная часть города будет свидетелем тому, что именно вам выпала честь сопровождать меня на борт. При этом в моей свите может оказаться разве что маркграф де Мовель. Надеюсь, вам понятно, что...

– Мне все понятно, герцогиня.

«Не все, не все...» – снисходительно улыбнулась Маргрет. Она предвидела, что завтра адмирал может повести себя довольно грубо. А она не желала, чтобы перед «правом на дуэль» оказался маркграф, избранник ее матери. Пусть этим правом попытается воспользоваться барон фон Ринке. Вот о чем пока еще даже не догадывался обольщенный ее полковник.

– Кстати, смею заметить, – все еще не унывал ломбардиец, – что командовать отрядом солдат на «Короле Франциске» будет мой друг, майор барон фон Шигль.

– Тоже ломбардиец; нет, лотаринжец, саксонец? – почти механически уточняла Маргрет, поскольку интересовало ее не происхождение майора, а то, каким образом полковник может сблизить ее со своим другом.

– Швейцарец. Но храбр, как дьявол; отличился в нескольких битвах и награжден золотой шпагой из рук короля.

– Ого!.. Почему же он все еще в майорах? – намекнула она на то, что способна позаботиться о его повышении.

– Я тоже все еще не генерал, хотя, как вы понимаете...

– Поверьте, мой полковник, – провела рукой по его плечу Маргрет, мило улыбаясь при этом, – что я не дам вам повода для ревности. В полковниках вам тоже ходить уже недолго. Но для меня очень важно, чтобы вы отрекомендовали мне своего приятеля-барона. И чтобы с первых же дней плавания он стал моим другом и защитником. Следует ли вам объяснять, насколько это будет важно для меня, пребывающей в окружении сотен мужчин?

«Послушай, – вдруг молвила себе Маргрет, – а ведь, с благословения корсиканской пиратки ты становишься отъявленной хитруней и интриганкой. Но ведь к этому тебя понуждает жизнь», – тотчас поспешила оправдать себя.

– К тому времени, когда вы прибудете на корабль, – а это, уверен, случится не раньше полудня, – барон уже будет извещен. У нас состоится разговор, который запомнится ему надолго.

– Уж не знаю, кто из вас перед кем останется в конечном итоге в долгу, но что я окажусь должницей вас обоих – в этом сомневаться не приходится.

– Поверьте, я с нетерпением буду ждать вашего возвращения, – заверил ее полковник. – Кстати, может, мне все же стоит поговорить с адмиралом?

По тому, с какой неуверенностью фон Ринке предложил это, Маргрет поняла, что особого желания говорить с адмиралом у него нет, и что случись эта встреча, ни к чему хорошему она бы не привела.

– То есть вы хотите поговорить с моим дядей? – напомнила ему Маргрет.

– Ах да, конечно, совсем упустил из вида.

– Не в этом дело, полковник. Просто говорить с ним – скажу вам по секрету как человеку близкому – бесполезно. Боюсь, что наиболее тщательно майору фон Шиглю придется оберегать меня в противостоянии с адмиралом. Как думаете, он окажется готовым к этому?

– Вряд ли, – почти не задумываясь, выпалил ее случайный покровитель.

– Вы сказали «вряд ли»?! Но почему?!

– Видите ли...

– Он трус? Так и скажите.

– В бою – нет. Но он из тех, кто столь же бесстрашен в бою, сколь и робок в придворных баталиях. Адмирал выше его и по чину, и по дворянскому достоинству. На француза это вряд ли оказало бы какое-то особое влияние. Но ведь барон – германец, – кисло ухмыльнулся полковник.

– Так замените его, полковник.

– К сожалению, это не в моей власти.

– Тогда смените его, сами примите командование.

По тому, как расширились от удивления глаза полковника, Маргрет поняла, что подобная идея никогда раньше даже не приходила ему в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.